

Пусть настроение всегда будет солнечным!

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

ГЕНИЙ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Татьяна Веденская

Гений, или История любви

«Автор»

2012

Веденская Т.

Гений, или История любви / Т. Веденская — «Автор», 2012

Иногда слова не нужны. Иногда они все только усложняют. Тем более, когда речь идет о любви, о чувствах. Соня Разгуляева это поняла давно, потому и не обсуждала ни с кем свою жизнь, не делилась сокровенным. Тем более – о своей первой любви. Он лучше всех. Он самый красивый, самый умный. Он самый настоящий гений. А каждому гению нужна муза. И Соня решает во что бы то ни стало завоевать это место.

© Веденская Т., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Веденская

Гений, или История любви

Глава 1

Она никогда не была сильна в разговорах. Никогда. Вместо этого она улыбалась, и в большинстве случаев, как ни странно, этого оказывалось достаточно. Люди вокруг придают значение только своим собственным словам, а в ее молчании было так много пространства для чужих слов, что его обязательно кто-нибудь заполнял.

Нет, это вовсе не означает, что она не могла говорить, не могла сказать и одного слова. Она была здорова, в том числе психически, но с самого детства предпочитала молчать. Конечно, если бы ей понадобилось, она бы могла сказать: «Передайте, пожалуйста, на билет» или «Дайте, пожалуйста, хлебницу». Правда, в большинстве случаев, если хлеб стоял далеко от нее, она сидела и улыбалась. Без хлеба. Такую уж ее создал Бог, кто его разберет почему.

Когда ты много молчишь, у тебя всегда есть время пораскинуть мозгами. Так что она много думала, и не то чтобы о чем-то серьезном или умном. О разном. Обо всем на свете, в том числе и о том, отчего люди не летают, как птицы. Или о том, что это будет такое – ее жизнь и как она пройдет, будет ли она счастлива или несчастна. Сможет ли полюбить человека хотя бы так же сильно, как любила варенье из вишни. Или даже сильнее. Сможет ли кто-то полюбить ее?

В ее голове слов было предостаточно, даже много. Они сплетались в мысли, образы, мечты, по большей части нечеткие, но зато наполненные чувствами или даже предчувствиями. Когда она мечтала, улыбка становилась отстраненной, а взгляд ее больших выразительных синих глаз словно бы оборачивался внутрь, и она становилась закрыта для внешнего мира.

Это можно было заметить, если понаблюдать за ней внимательнее. Много интересного можно было увидеть, если остановиться на секунду-другую и просто внимательно всмотреться в ее юное лицо. Но кто это будет делать? Надо признать, что большая часть людей не имела желания отрываться от своих собственных дел ни на минуту. Все вокруг были поглощены собой, но она не сильно-то из-за этого переживала. Такой уж у нее был характер, она принимала все и всех, как говорится, без купюр. Иными словами, как есть, и не заморачивалась ни из-за чего слишком сильно. Редкое качество. Скорее всего, такое свойство ее натуры возникло из-за того, что она много (действительно много) улыбалась, и еще потому, что ей с самого детства было интереснее наблюдать за вещами и людьми, чем пытаться их изменить или оценить по какой-нибудь шкале.

В одном можно было согласиться – она была совершенно другая. Даже ее родители, которые ее обожали, как только могут взрослые, обеспеченные и нравственно здоровые люди обожать свою единственную дочь, даже они иногда не могли ее понять. Будто она была инопланетянкой и изъяснялась не русскими словами, а ультрафиолетовым спектром. Поди пойми. Ее суть, ее характер и личность были так надежно упрятаны под завесой ее безмятежной улыбки, что родители и понятия не имели, какая она, и не представляли себе, как узнать.

Тем более теперь, когда ей исполнилось шестнадцать.

Родители называли ее Софьей в честь маминой прабабки, Софьи Измаиловой, но родители как-то постепенно с годами растеряли это имя, заменив его ласкательными «солнышками», «конфетками» и «мышками». Учителя называли ее по фамилии – Разгуляева, и то редко. Она была неразговорчива, так что к ней обращались нечасто, не хотели ее смущать, заботились о ней. Самое забавное было, что сама-то она ничуть не смущалась своего положения, не испытывала буквально ни одного комплекса в связи со своим добровольным молчанием. Но все вокруг примеряли ситуацию к себе и потому предполагали, что она, наверное, постоянно сму-

щена и подавлена. Только этого ничуть не бывало. Соня ощущала себя абсолютно комфортно, снова сидела в первом ряду партера и наблюдала за спектаклем, который давала жизнь.

А все домашние задания и рефераты она делала и сдавала вовремя и на «отлично», так что особого резона к ней обращаться и не было. Вот и молчала, потому что говорить было не о чем. Буквально.

Соня жила на Тверской, и из ее окна была видна Красная площадь. Правда, лишь краешек, и то если выйти на балкон и хорошенько перегнуться через перила. Их дом, самый высокий на Тверской, стоял немного повернутым в сторону от площади, так что нужно было хорошенько перегнуться через перила, чтобы даже с их восьмого этажа увидеть святая святых – музей Ленина и несколько башен Кремля.

Соня к Красной площади была равнодушна, как и любой нормальный человек, живущий от чего-то, пусть даже очень замечательного и выдающегося, в пятнадцати минутах ходьбы. Но все-таки это же что-то да значит – родиться и расти в таком месте.

Два месяца назад она неожиданно осталась одна. Так получилось, что ее папе, дипломату, предложили уехать – работать консулом в далекую Новую Зеландию, и он согласился, потому что давно устал от московских пробок, холодов, плохих продуктов в дорогих и редких супермаркетах московского центра. Вот так и получилось, что Соня осталась одна. Она ведь была уже совсем взрослая девочка, серьезная, умничка, отличница – чего же не оставить такого ребенка самого по себе? Тем более что Соня-то и не возражала.

Собственно, а как бы она возразила, если говорить не любила и не могла? Когда мама с папой позвали ее в гостиную, чтобы серьезно поговорить, она только пожалала плечами и улыбнулась. «Поговорить – теперь это так называется – было сидеть напротив родителей на большом плюшевом диване и слушать, что «это будет совсем не так сложно, как кажется, и что бабушка будет обязательно помогать, и что уже пора учиться отвечать за себя и быть самостоятельной, а мама с папой привезут ей новый гардероб – купят там в нормальных магазинах, которых тут практически нет».

– Ну, что скажешь? – спросила мама, будто бы не зная, что ничего ее дочка ей не скажет. Слова снова останутся внутри, не осилив перехода из мыслей в звуки. Трудности перевода.

Соня не очень-то хотела остаться одна, но и сильно против не была. Кому, в принципе, может помешать пустая трехкомнатная квартира, да еще в шестнадцать лет? И самостоятельность в этом возрасте манит, как запретный плод, в том ракурсе, что кажется очень и очень вкусной.

Соня не была в этом смысле исключением, и мысли о взрослой, независимой жизни приятно тревожили и волновали ее. За свои шестнадцать лет она уже успела поездить с родителями, которых периодически «посылали» куда подальше, в какую-нибудь Болгарию или Ирландию, где Соня в силу возраста и характера преимущественно улыбалась в стенах консульства и в контакт с миром заграницы не вступала. А вот одна дома она не жила никогда.

С другой стороны, она бы, может, с радостью поехала за ними в эту Новую Зеландию, чтобы пожить в городе Веллингтон и посмотреть на все: на антиподов, у которых все наоборот, на бескрайние горы, там, где снимали «Братство Кольца». Она совсем недавно посмотрела фильм, и теперь с нетерпением ждала второй его части, и мечтала о том, как бы она смотрелась рядом с Гендольфом. В любом случае, в Новой Зеландии ей бы могло понравиться. Так ей казалось.

– Ты же понимаешь, что мы не можем тебя взять, – вздыхала мама, предполагая, что если бы дочь была разговорчивой, то она бы сейчас устроила истерику, требуя, чтобы они взяли ее с собой. Глядя на безмолвно улыбающуюся дочь, было ни черта не понятно, чего она хочет на самом деле. Улыбка была неопределенной, и в который раз мама подумала, что хоть Мышка и удивительный ребенок, она бы предпочла, если бы дочь была немного более традиционной. Чтобы спросить – и получить ответ.

Когда в раннем детстве выяснилось, что Соня молчит, ее мама была напугана до самых печенок. Куда она только ни обращалась, таская на руках трехлетнего ребенка по всем возможным специалистам и даже к шарлатанам. Пытались найти какую-нибудь травму, хотя бы родовую, для объяснения такого вот парадокса. Внимательно вспоминали, не лаял ли какой пес на ребенка. Ругались с мужем и бабушкой, пытаясь за неимением других вариантов обвинить во всем друг друга. В конечном итоге вердикт специалистов был весьма пространен. Было ясно со всей определенностью, что в своем развитии Соня не только не уступает сверстникам, но иногда в чем-то их даже и превосходит. Кроме того, если уж Соне было очень надо, она вполне могла объясниться или, еще лучше, написать о том, что думает по тому или иному поводу. Кстати, ее сочинения в школе считались одними из лучших. Как и контрольные по математике, как и этюды на рисовании. Но... говорить она не стала. Только по большим праздникам и не больше пары слов. Так что мама (как и большинство людей, с которыми Соня общалась) со временем приучилась достраивать недостающие Сонины куски диалога сама.

– У тебя же учеба, тебе надо закончить семестр. Как ты не понимаешь... Ну, согласна? Может, ты приедешь к нам на лето? Ты хочешь?

– Да, – кивнула Соня. Слово «да» было ее любимым – коротким и емким, исчерпывающим и не требующим пояснений.

Мама вздохнула:

– Ты же уже все умеешь. Ты справишься, да?

– Вот и чудно. Или мы приедем сюда в отпуск, – добавил папа, потому что идея тащить ребенка через весь свет только для того, чтобы он мог повидать родителей, была глупой и дорогой, а папа был рационалистом.

– Будем разговаривать по телефону, – продолжала мама.

Соня только удивленно прищурилась и усмехнулась, а мама кивнула. Да, глупость смо-розила. Хотя, если вдуматься, мама очень даже любила разговаривать с дочерью. Они часто сидели на кухне, пили чай или кофе, и мама щебетала обо всем, что только могло прийти в голову. Дочери было интересно. Ей всегда было интересно. Или так, во всяком случае, казалось. Так что в каком-то смысле мама была бы на самом деле рада созваниваться с дочерью и разговаривать часами. Только вот... глупо платить огромные деньги, чтобы поговорить с дочерью, которая в ответ молчит в трубку.

– Бабушка будет тебе готовить и, если что, приедет, чтобы с тобой побыть. Ты только звони ей, если что. Звони каждый день, – снова немного промахнулась мама, видно, забыла, что дочери позвонить – это целое дело, не так просто это для нее. Впрочем, все оттого, что мама уже была мысленно там, в тех краях, где самый теплый месяц в году январь.

– Ты же справишься? – ласково улыбнулся папа.

– Да, – снова кивнула дочь, про себя подумав, что ее родители хорошие и что она будет по ним скучать.

Собственно, все оказалось не так уж и страшно. Только поначалу было сложно засыпать в пустой трехкомнатной квартире. Приходилось включать телевизор в гостиной на всю ночь, а на кухне радио. А еще Соня все время боялась, что забудет выключить плиту, такая, знаете ли, фобия. Когда с самых молодых ногтей все твердят изо дня в день, что нет проступка страшнее, чем невыключенная плита, начнешь нервничать. Соня была девочкой с хорошим воображением, могла себе представить пожар, визг шин, грохот сирен и все прочие последствия невыключенной плиты.

Она не стала рисковать, и проблему с плитой решила просто и гениально – старалась ее вообще не включать. Если уж ты ничего не включала – нечего и забывать. Только приходилось все есть всухомятку, но для Сони это не было проблемой. К еде она была довольно равнодушна, к тому же у нее были деньги, а на Тверской стоял «Макдоналдс», в котором все было прекрасно – и весело, и вкусно. Но о таком своем своеобразном способе решения вопро-

сов безопасности она никому не говорила. Во-первых, как вы понимаете, потому что разговоры – это не ее конек, а во-вторых, кому говорить-то, если «все ушли на фронт», в смысле, уехали в Новую Зеландию, к черту на кулички.

Из близкой родни в Москве осталась только бабушка. Молодая, занятая, деловая бабушка, даже и не помышляющая о пенсии, заслуженный врач-дерматовенеролог, на руки которой свалили «никому не нужное» (это она так говорила, вздыхая) дитяtko. Бабушка приезжала по понедельникам и четвергам, а в остальные дни они только созванивались по вечерам для контроля. Бабушка оставляла горы не слишком вкусных котлет, которые Соня потом и ела всухомятку. Готовить бабушка не любила и даже презирала, считая себя одной из первых отечественных феминисток. Кроме подкормки, бабушка еще прибиралась в и без того чистой квартире – много ли мусора от одного молчаливого ребенка? Бабушка жила в Лефортове и не была в восторге от всей этой затеи – умотать от родного ребенка на три года – где это видано.

– Где это видано, вот так улепетнуть, – ворчала она, выкладывая кульки и пакеты. – Думаешь, мне легко к тебе сюда таскаться?

– Нет? – пожимала плечами Соня. «Нет» было вторым удобным словом, с которым у нее не было проблем. Бабушка вздыхала и принималась Соню жалеть, хоть и не было для этого никаких причин.

– Эх ты, добрая душа. Ты пойми, Ленке, видать, тоже не хочется одного Володьку отпустить. Понять же можно? То-то.

Бабушка была папина мама и своего Володьку считала идеальным мужчиной, приятным во всех отношениях. А Ленка – Сониная мама, хоть и была женщиной красивой, но на этом ее достоинства кончались. Она ненавидела, когда ее называли Ленкой. С самого детства все звали ее Аленой. Свекровь знала об этом и всегда, во всех случаях, не упускала возможности бросить высокомерное «Ленка».

– Ленке-то уже сколько? – продолжала бабуля. – Годы, годы... а для мужчин, особенно таких, как Володька, все по-другому, не так, как для женщин. Володька у нас особенный. Видный мужчина. Согласна?

– Да! – с готовностью кивала Соня, и тут не было никакого подхалимства. Все так и было на самом деле, и Соня была с бабушкой совершенно согласна. Папа был красив, хорош, ухожен и прекрасно воспитан, к тому же дипломат. Было бы действительно ужасной глупостью отпустить его одного в Новую Зеландию. Такому нельзя позволять даже за хлебом ходить в одиночестве. От греха подальше. Мама была умной женщиной и по-настоящему любила мужа. Любила даже немного больше, чем дочь. Впрочем, Соня тоже бы нисколько не обрадовалась, если бы папа уехал, а мама осталась. Это же что бы было – ни тебе Зеландии, ни тебе самостоятельной взрослой жизни. Всюду клин. Так что она на маму не обижалась.

Мама плакала в аэропорту, прижимала Соню к себе и сразу же по приезде начала слать в Россию пухлые, перевязанные веревками посылки. С дипломатической почтой их можно было слать бесплатно. Водолазки, платица, нижнее белье из качественного хлопка, красивые свитера из кашемира и даже кукол – уж вообще непонятно зачем. Как будто ее совесть, взбудораженная таким невиданным проступком, требовала каких-то жертв, и самыми меньшими были те, которые ты приносишь в магазинах. Мама, кстати, магазины обожала и бродила по ним часами все равно, а распродажи были вообще ее Родиной.

Соня считалась послушной девочкой, что ее забавляло и удивляло, потому что она обычно старалась делать только то, что хочет сама. Наверное, с ней никогда не было никаких проблем, потому что она редко была по-настоящему чем-то недовольна. Все на свете ее устраивало и интересовало с одинаковой силой, так что в большинстве случаев, вместо того чтобы отказываться или негодовать, она предпочитала не морочиться и сделать так, как просят.

Если это не шло уж совсем вразрез с ее мнением и интересами, которые, так уж получилось, никто и никогда не пытался узнать.

Если же то, что происходило, уж совсем ей не нравилось, она всегда находила способ избежать этого или изменить ситуацию. Не словами, конечно же. Слова оказались совсем не так эффективны, как должны бы. Сколько раз она видела, как мама мечет в папу целые обоймы слов, желая только, к примеру, чтобы он приходил пораньше домой. Но все эти слова оставались совершенно бесполезными и бессмысленными: мама по-прежнему бегала по квартире и ждала папу, постоянно выглядывая в окно.

Так же как и учителя – тратили целые залежи слов, пытаясь призвать учеников к порядку, пытаясь перегрузить свои слова в их головы, но с тем же успехом. Головы оставались пустыми, а учителя измотанными. Однажды она услышала, как учитель по математике в школе сказал:

– Я так от вас устал, что уже просто не нахожу слов!

То-то Соня повеселилась. Так что теперь, находя в своем молчании массу бонусов, она уже ни за что бы с ним не рассталась, даже если бы и могла. Но все окружающие из-за такой ее стратегии считали ее покладистой и послушной. Она не возражала. Чтобы возражать, нужно было бы тоже вовлекаться в разговор, а зачем, к чему? Когда просто улыбаться и наблюдать за всем этим балаганом было куда интереснее.

Были, правда, и осечки. Какие-то вещи, с которыми ей так и не удавалось справиться, к примеру, фортепьяно. Она играла на нем с самого детства, потому что это красиво, изящно и интеллигентно. Маме ужасно нравилось, когда ее красивая дочь, высокая, в тонком шелковом платье, садилась за их большой черный рояль в гостиной и негромко что-то наигрывала. Это было так... по-старому, по-доброму. У мамы в роду предположительно прослеживались бледные следы дворянской крови – так, совсем нечетко. Возможно, мама вообще это придумала, чтобы чувствовать себя поувереннее в семье мужа. Врачи, музыканты – хорошо, а дворяне – лучше. Дворян в роду Разгуляевых все-таки не было, и мама про бабушку Софию не забывала никогда.

Так вот, когда Соня что-то негромко наигрывала, а в комнате, на диване и креслах, сидели гости, эта самая «дворянскость» была почти физически ощутима. Мама в такие моменты даже двигалась и говорила иначе – как-то медленно, нараспев. На самом деле Соня играть для гостей не любила, считала это глупым жеманством и выпендрежем, но мнение свое она предпочла оставить при себе, и мама так ничего и не узнала. Конечно, можно было бы что-то такое прочитать по Сониному лицу, когда она играла, только мама особо не присматривалась.

Видимо, нужно было что-то придумать. Как с плаванием, к примеру. Когда Соню отдали на плавание, она поняла, что вот тут она не останется ни за что. Она попыталась (в кои-то веки) поговорить об этом, но, как она и подозревала, слова не оказали никакого серьезного влияния на процесс. На том, чтобы Соня занималась плаванием, настаивал папа. Он говорил, что если дочь останется такой же вот худой и бледной, без спорта, то однажды по дороге в школу она просто переломится пополам или ее сдует порывом ветра. Плавание было, надо признать, куда хуже, чем музыкальная школа. Там нужно было раздеваться, строиться, а потом плыть, хотя вода делала все, чтобы помешать ей в этом. К тому же для самой себя Соня не находила ровно ничего интересного ни в плавании в частности, ни в спорте в целом. Это было не ее.

Однако папе это было безразлично, какими словами ему об этом ни скажи. Соня знала это точно, потому что слова, которые для нее были затруднительны, тренер по плаванию высказал ее папе с легкостью. Он, кстати, разделял ее удивление по поводу выбора отца.

– Не думаю, что это для нее. Со всем уважением, я все время боюсь, что ее кто-нибудь локтем заденет и она пойдет ко дну. И потом, есть такое понятие – «отрицательная плавучесть». Как раз ваш случай. Есть, знаете ли, дети, с которыми надо только поработать, раскатать их. Но ваша... ей бы лучше рисовать. Или вышивать. Может, заберете? – молил тренер.

Но папа проявлял упрямство. Мужчины иногда могут быть такими, непробиваемыми. Когда даже слова совершенно бессмысленны и никак не облегчают понимание.

– Будет ходить, а там посмотрим, – сказал он, на что тренер только вздохнул. Они с папой были хорошими знакомыми. Он часто помогал тренеру с лекарствами для его жены, у нее было какое-то гормональное расстройство, из-за которого она постоянно нуждалась в таблетках, причем лекарства и витамины из-за границы почему-то помогали, а наши, родные, совершенно аналогичные по составу, – нет.

– Ну, ходите, – кивнул тренер.

И тогда Соня поняла – избавиться от жуткой необходимости раздеваться при посторонних гогочущих девах можно, только пойдя на военную хитрость, временно пожертвовав конечностью.

Все вышло вполне натурально. Соня подгадала день, когда на тренировку ее привел именно папа, спокойно поцеловала его в щечку, пошла в зал, прыгнула с бортика в бассейн, да так неудачно, так неудачно... с четвертого раза...

– Сильный вывих! – констатировала медсестра под убедительные стоны Сони Разгуляевой. – Нужен рентген.

Таким образом, с тренировки Соню живописно вынесли на носилках, посадили в машину и настоятельно посоветовали не тянуть с рентгеном и ехать в травмопункт напрямую, без задержек, а с тренировками пока повременить. Надо ли говорить, что папа, когда увидел дочь на носилках, ужасно разнервничался и сказал, что такой спорт он «в гробу видал» и что дочь у него одна.

Соня в этот момент папу просто обожала, хотела даже вскочить и расцеловать в обе щеки, однако это бы могло испортить всю игру. Так что она только возлежала и мужественно улыбалась, подбадриваемая целым морем папиных сочувственных слов.

Позже, после рентгена, который, слава богу, ничего не показал, Соня всерьез стала подумывать о том, чтобы молотком поломать себе пальцы на руке – покончить, так сказать, с музыкальным будущим тем же методом, но согласитесь, это не так-то просто ребенку – долбануть себя молотком по руке. Кроме того, можно же не рассчитывать. Вывих ноги имитируется куда легче, чем перелом пальцев.

А игра на рояле была хоть и злом, но все же вполне переносимым. Зато Соня навсегда поняла, что на свете есть кое-что куда эффективнее слов.

И так, фортепьяно по-прежнему стояло в гостиной, а она, сидя на вращающемся стуле, разучивала гаммы. Это было скучно. Но Соня решила, что, если придумает, как победить фортепьяно, родители предложат ей что-то, еще какую-нибудь альтернативную культурную нагрузку. Кто его знает, что это будет! Не дай бог, танцы или вообще лыжи! Придется еще тащиться в лыжном костюме с огромными лыжами на край света, в какое-нибудь Крылатское, на занятия. У них на Тверской на лыжах можно было разве что постоять у Вечного огня в Александровском саду.

Так что Соня осталось за фортепьяно, в настоящее время оно было наименьшим из зол.

Она играла гаммы. Этюды Черни для беглости пальцев, играла Шопена и Рахманинова. Все это было не так сложно, у нее был хороший слух и чувство ритма, а также длинные гибкие пальцы.

Надо ли говорить, что при ее характере она отличалась усидчивостью и терпением. В результате такой вот политики компромисса Соня неожиданно доигралась до того, что все с чего-то решили, что она это любит. Когда ты по большей части молчишь и улыбаешься, чертовски высокая вероятность того, что все решат, что ты счастлива. И, к сожалению, многие твои мысли, желания и чувства будут трактоваться совершенно неверно, на глазок.

– Ну что ж... – кивнул папа, искренне желая Соне только добра. – Раз ты так любишь музыку... Так тому и быть.

И позвонил знакомому. У папы на каждый случай имелся знакомый, при его работе это совершенно нормально. Ведь и он, как ни крути, был для всех этих людей ценным знакомым,

а уж когда речь шла о будущем единственной дочери, о ее призвании, в котором никто, кроме нее самой, не сомневался, – тем более. Мама была просто на седьмом небе от счастья, она уже видела Сонины портреты на афишах около филармонии.

– Я всегда знала, что она особенная, с самого детства, – вдохновенно говорила мама, радуясь, что теперь все эти «странности» дочери можно так изящно и благородно объяснить. Талант – он всегда такой, его трудно понять.

Так что теперь Соня училась в Гнесинском училище, на фортепьянном отделении, заканчивала первый курс. Видимо, и правда, пересидела за фортепьяно. Потому что играла она действительно неплохо и экзамены сдала довольно легко. Проблему составило только собеседование. Отвечать на вопросы – это же совсем другое дело. Отвечать, улыбаясь, – это не совсем в рамках учебной программы. И она молчала как проклятая, надеясь этим отвратить от себя приемную комиссию.

Но иногда так бывает, что, если уж пустили какой-то слух, в него начинают верить все. И тут все почему-то решили, что раз она молчит, значит, точно – талант. Возможно, даже гений. И потом, в приемной комиссии был знакомый папиного знакомого, которого заранее предупредили о такой вот странной особенности дочери знакомого знакомого. А предупрежден – значит, вооружен. И очень опасен.

– Вы лучше послушайте, как она играет. Нам бы побольше музыкантов, которые не говорят, – предложил он комиссии, возбужденно размахивая руками.

И всем это показалось ужасно романтичным – юная пианистка, молчаливая и улыбкающая, светленькая и хрупкая, с большими синими глазами. Конечно, ее взяли. Они уже видели ее на курсовых концертах, в развевающемся элегантном платье, а Соня даже и не пыталась сопротивляться.

Она, кстати, была на самом деле довольно красивой. Правда, не очень-то это осознавала, тем более что посмотреть на себя чужими глазами не могла. А если бы смогла, то увидела бы хрупкую пепельную блондинку, довольно высокую и немного неловкую, что неудивительно, ведь так сильно вытянулась она совсем недавно – буквально за год. Но в этой неуклюжести было что-то очаровательное и живописное, что-то, что делало Соню еще более непохожей на остальных.

Конечно, далеко не всем нравится такой вид красоты. Страсть мужчин к субтильным формам сильно преувеличена силами глянца и гламура. Но Сонино бледное подвижное лицо, острый подбородок, изящные линии скул тем сильнее подчеркивали удивительную синеву ее глаз, темнеющих, когда она злилась. Движения ее рук были немного порывистыми, неравномерными, неуверенными, да и сама она выглядела несколько потерянной, – наверное, это из-за молчания и привычки уходить в себя. В то же время у Сони было очень говорящее лицо, взамен ее молчания оно выдавало почти все ее мысли, и в этом смысле она была совершенно неподражаема.

Но когда Соня смотрела на себя в зеркало, то видела там бледную и тусклую «мышку» с субтильными плечами и маленькой грудью – отражение, к которому она давно привыкла и в котором не находила ничего ни красивого, ни особенного.

Конечно, в этом она была не права. Но такое заблуждение свойственно девушкам ее возраста. В общем, Соня относилась к себе без пиетета, однако и в самокопание с неприятием тоже не ударялась. Что уже было неплохо, если сравнивать ее с подругами и друзьями. Особенно с подругами.

К слову сказать, как ни странно, из-за ее привычки молчать и улыбаться Соня не имела проблем с друзьями. При том, что она в буквальном смысле не желала и двух слов связать, у нее было достаточно много друзей не только в Гнесинке, где она тоже была на хорошем счету у однокурсников. У нее было много друзей и в школе. Бывшие одноклассники ее помнили, звонили ей, заходили в гости, таскали ее на прогулки и приносили книги. Странно, не правда

ли? На самом деле, нет. Единственные, с кем она никак не смогла подружиться, были те спортивные девахи. Но остальные люди очень даже тянулись к ней – кто их разберет почему.

Друзья заводились у нее сами собой, без особых усилий с ее стороны. Они слетались на ее улыбку и со временем привыкали к ее молчанию. Если честно, кажется, они даже больше любили ее за такую ее особенность. Ведь если один молчит, а другой говорит – это уже диалог. Самый лучший, самый желанный диалог в мире. Как и ее мама, ее подруги и друзья очень и очень любили с ней поговорить.

Можно было обнаружить странный факт, что хоть она и молчала, но при этом с ней все время кто-то говорил. На переменах, в столовой, около выхода и по дороге домой. Иногда, чтобы только закончить разговор, с ней шли даже те, кому было вовсе не по пути. Двадцать пять минут от Поварской улицы до ее дома на Тверской были до отказа заполнены разговорами. Еще и оставалось, не все выговаривалось, так что друзья заходили к ней домой, сидели, гоняли чай, вместе занимались. Соня вела вполне активную социальную жизнь. Иногда в эту самую социальную жизнь ее втягивали даже против воли.

– Пошли с нами. Пойдешь? – спрашивали ее, и раньше, чем она успевала ответить, ее уже куда-то тащили. И даже если Соня была против и умудрялась озвучить это, произнеся «нет», это тоже никому не мешало.

– Да ты что, там будет так здорово! Интересно. И потом, нас уже ждут. Ну что я попрусь одна (один, втроем, без тебя). Поехали, а? Пойдем?

– Нет.

– Да брось ты!

И как всегда, от слов у Сони получались одни проблемы. Друзья просто-напросто забрасывали ее словами, и она сдавалась. Ее побеждали каждый раз, и она ехала туда, куда ее звали (шла, слушала, еще раз обедала и так далее), за что ее любили еще больше.

Да, друзей у нее имелось предостаточно, и их было даже больше, чем у тех, кто болтал без умолку, – такой уж она была человек.

Конечно, ее не так любили, чтобы сходить с ума или признаваться в чувствах. При всей ее красоте в ней пока еще не было чего-то того, что заставляет молодых людей терять от женщины голову. Соня была еще совсем ребенком! Поэтому она и жила спокойно и без каких-то особых потрясений. Учеба давалась ей легко отчасти из-за весьма лояльного отношения к ней учителей, отчасти из-за ее привычки делать все вовремя и в полном объеме, что было нетрудно. Она была действительно способной девочкой. То, что музыка в целом оставляла ее равнодушной, было, конечно, странно. Но об этом знала только она сама и не считала этот факт очень уж важным.

Хотя это совсем не значит, что любовь ее не интересовала. Очень интересовала, и книги она читала только такие – о любви, и в своих дневниках, которые она вела просто так – сама для себя, записывая разрозненные мысли и наблюдения за жизнью вокруг себя, Соня иногда вставляла пару-тройку фраз о любви. Или, вернее, о каких-то других вещах и чувствах, которые она видела вокруг себя и что было принято именовать словом «любовь». А с Готье – так он себя называл – Соня не видела никакой любви рядом с собой. Интересоваться было нечем.

Глава 2

Соня хорошо помнит тот день, когда она впервые его увидела. Погода была ужасной, то жара и солнце, то вдруг гроза, да еще такая – с громами и молниями, от которых все грохотало, и казалось, что мир перевернется и все его обитатели вылетят из него, как грибы из корзины, и понесутся, кувыркаясь на ветру, в тартарары.

Соня сидела на стуле в большой, дорого обставленной, но сильно захламленной кухне и смотрела в окно. Готье опаздывал. Она сидела тут уже часа полтора, выпила три чашки чая, скормила местной собаке почти все сухие баранки из конфетницы – словом, отлично проводила время. Квартира, к слову сказать, была интересная, Соня в таких еще никогда не была. Когда-то, наверное, трехкомнатная, в старом сталинском доме с колоннами, неподалеку от метро «Сокол», теперь она была перепланирована самым невероятным образом. В ней была сооружена студия звукозаписи, и весь интерьер решал задачи исключительно рабочего порядка. Не было никаких спален или кабинетов, была комната с инструментами и микрофонами, обшитая чем-то плотным и пористым – звуконепроницаемым. Она была отделена толстым стеклом от звукооператорской, в которой все было обмотано проводами, на столах стояли приборы, микшерские пульта, клавиатуры, а также большой экран компьютера. Кроме этих, главных, помещений, еще оставалось достаточно пространства, которое никак не было разграничено и составляло сразу и прихожую, и гостиную, и спальню, и еще бог знает что. Мебель тут была тоже своеобразная, явно не дешевая: огромный угловой диван сразу человек на десять, несколько пуфиков, кресло в углу, какие-то стеллажи, заваленные чем-то невообразимо пыльным и старым. Убирались тут, если такое и случалось вообще, еще до пришествия Христа, до нашей, так сказать, эры, и все было засиженным, прокуренным, обезличенным.

Все было ничьим. Или общим, если уж изволите, что, впрочем, одно и то же. И среди этого «ландшафта» слонялись из стороны в сторону какие-то люди с бледными лицами. Они тоже ждали Готье.

Поскольку Соня понятия не имела, кто это такой – Готье, она не могла сказать, чтобы она его ждала. Как и всегда, она только смотрела по сторонам, а по большей части на собаку, которая, видимо, тут жила. Хотя все попытки обнаружить ее миску или, к примеру, место, где она спит, у Сони провалились. Похоже, что собака тоже жила на бесконечном диване, вместе с остальными людьми.

Соне было интересно, как зовут собаку, но ее никто за все это время по имени не позвал, а спрашивать она, естественно, не стала. Впрочем, они с собакой и так вполне нашли общий язык, потому что собака, в отличие от людей, прекрасно понимала Соню без слов.

Собака смотрела на Соню, и ее печальные карие глаза были полны надежды. То, что баранки кончились, она еще не поняла. Собака была красивая и толстая, с длинными рыжими ушами и вытянутым носом. Породистая, но что это за порода, Соня сказать затруднялась. Чем-то похожа на бассет-хаунда, но не такая мм... растянутая. Соня определенно видела собаку такой же породы... Сейчас-сейчас... где же? А... по телевизору, в рекламе какого-то корма.

Теперь, когда родители уехали, у нее всегда работал телевизор, и Соне больше всего запомнились именно рекламные блоки, они были громкие и яркие. Так вот, именно такую собаку сняли в рекламе корма, с такими же рыжими ушами и темно-коричневым носом. Только та, что была в рекламе, выглядела вдвое хуже собаки, вымаливающей у Сони баранки.

Глядя на нее, она подумала: «Я, получается, собачница». И обрадовалась от того, что узнала о себе что-то новое. Иногда она чувствовала странное смущение в отношении самой себя – она себя плохо знала и не всегда понимала. Возможно, кому-то это покажется странным, так как большинство людей в силу разных обстоятельств считают, во множестве случаев ошибочно, что хорошо себя знают. Такая иллюзия возникает в силу огромной скорости, на кото-

рой сегодня живут люди. Когда несешься со всей дури и оглянуться-то некогда, вот и предполагаешь, что есть вещи незбылемые, а тем не менее невозможно понять, как относишься к собакам, пока не полюбишь одну. Как нельзя быть уверенным в том, что ты храбрец, пока не представился случай проявить смелость. И очень даже может получиться, что ты не храбрец, а трус, прячущийся за камнем, и не щедрый, а жадный, не любящий, равнодушный. Но думать-то никто не запрещал.

Соня по своей природе была устроена по-другому. Она ждала и наблюдала, пока какие-то вещи не становились очевидными. Соня – собачница. Интересно. Она хотела бы не расставаться теперь с этой вот собакой, а раньше-то это проверить было нельзя – у нее не было никогда ни собаки, ни кошки. Конечно, возможно, просто попала такая вот подходящая собака. «Сейчас найду еще баранку», – сказала Соня глазами, и пес понял и воспылал надеждами. Однако тут их «диалог» был прерван.

– Привет! – непринужденно бросила Соне девушка, которая уже не в первый раз заходила на кухню без особых целей. Другие люди в квартире – а их тут крутилось немало – то заходили сюда, то уходили, ставили чайник, уносили его, приносили обратно, не обращая никакого внимания на Соню. Каждый тут был погружен в себя и немного заторможен. Но девушка, которая заметила Соню, ничего не пила, не мыла, не искала чашку и не перебирала пачки из-под сигарет в поисках клада. Она просто слонялась, не зная, куда себя деть. Курила. Она была красивая, очень красивая, такая, какой Соня мечтала стать. Именно такими были женщины из ее любимых романов – высокие, с длинными ногами и округлыми бедрами, со свободными, раскованными движениями и гибким телом, женщины с большой грудью и, наконец, с громким голосом. Женщины, которые точно знают, что им идет, а что нет, как подчеркнуть и как скрасить, что добавить, а что убрать. Ей было, наверное, лет двадцать пять, не больше, но Соне, конечно, она казалась совсем уже взрослой. Настоящей.

Соня улыбнулась и кивнула, девушка произвела на нее впечатление. В ее движениях была какая-то развязная красота, хоть она и не была вульгарно одета или ярко накрашена. Она была сексуальна, и хотя до этого дня Соне не встречалось ни одной по-настоящему сексуальной женщины, она поняла это сразу и просто остолбенела, замороженная этой столь агрессивной, властной красотой.

– Готье не звонил? – спросила девушка, недовольно потрянув головой. Ее волосы – длинные, рыжеватые – блестели и выглядели очень ухоженными. Непонятно, как Готье мог позвонить Соне, о существовании которой он даже не знал. Да и откуда, если она попала в эту квартиру совершенно случайно. Ее привез Володя – они учились вместе. То есть на разных факультетах, даже на разных курсах. Он был третьекурсником на отделении народных инструментов, и он действительно любил музыку, в отличие от Сони. Они дружили, он часто провожал ее домой и был, по большому счету, представлен в ее жизни куда больше, чем бы она хотела. Впрочем, Володя был хороший парень, и раз уж он так восхищался Готье, Соня подумала: почему бы не поехать и не посмотреть? Но не потому, что действительно этого хотела.

– Нет, – ответил за Соню Володя, – опаздывает, как всегда.

– Он просто невозможен! – фыркнула девушка, взмахнув рукой. Даже этот жест был красив. Она, должна быть, отлично смотрится на сцене. Сейчас она выглядела уставшей и раздраженной, ведь репетиции давно следовало начаться. В репетиционной – комнате за стеклом – давно уже что-то играли без Готье, но девушка ждала и нервничала. Видимо, у всех остальных она уже спрашивала, и не один раз, так что, увидев Соню, задала вопрос машинально.

– Хочешь, сделаю тебе кофе? – предложил Володя, но девушка покачала головой и помедлила, стоя в проходе, словно что-то вспоминая.

– Ты с Володькой? – спросила она наконец.

– Да, – кивнула Соня.

– А, понятно. Фанатка? – Девушка думала о чем-то другом, а вопросы Соне задавала просто так, потому что большинство людей чувствуют определенное неудобство в присутствии других людей и борются с этим неудобством с помощью слов.

Соня пожала плечами и совершенно искренне ответила:

– Нет.

Она сказала это совсем тихо и безо всяких эмоций, просто правды ради. Она же ведь ничего не знала и, главное, не хотела от Готье. Володька прокручивал ей какие-то песни на диске, рассказывал что-то о том, как Готье смешивает этнос, звуки природы и современные технологии, но Соня была совершенно к музыке равнодушна. Это тоже было нечто из разряда фактов, которые она узнала про себя, только окончив музыкальную школу и поступив в Гне-синку. Она относилась к музыке как к определенной технологии, почему-то странным образом совсем для нее несложной.

– Нет?! – опешила девушка и уже с интересом посмотрела на Соню.

Та неуверенно улыбнулась. Она бы хотела добавить, что ей при всем прочем нравилось сидеть тут, на этой кухне, и что дома ее никто не ждет, даже собака, а тут интересно и шумно, и сама она с удовольствием продолжит тут сидеть.

– А кто? – полюбопытствовала девушка.

Возникла пауза, которую прервал Володя:

– Соня просто приехала со мной за компанию. Мы были в кино.

– А-а. – Девушка задумалась, ее, видимо, задел тот факт, что кто-то из присутствующих может позволить себе такую наглость – не иметь никакого отношения к Готье. С другой стороны, и что тут такого? Может же человек просто посидеть на кухне?

Девушка решительно протянула Соне руку:

– Я – Ингрид.

– Соня. – Она кивнула и пожала протянутую руку. Рука у Ингрид была мягкой, с красивым маникюром.

Закурив длинную тонкую сигарету (уже, наверное, пятую за последние два часа), новая знакомая замолчала. Соня подумала, что Ингрид – это тоже какое-то ненатуральное имя, как и Готье. Видимо, здесь так принято называться черт-те какими именами, а быть просто Соней не круто и неприлично. Ингрид?!

– Мой отец – из немцев. Его зовут Рудольф, а меня называли Ингрид, – словно бы услышав мысли Сони, пояснила Ингрид. – Ингрид Рудольфовна Шеллер. Думаешь, легко жить с таким именем да в Первопрестольной?

Ингрид, как и многие знакомые Сони, в ее ответах не нуждалась, она просто была настроена говорить. Что-то в ней бурлило и клокотало, просилось наружу, но никто вокруг ей почему-то не подходил, вот она и металась. А Соня своим видом напомнила ей молчаливого пастора из католического храма – ей можно было говорить, а она сидела и слушала, как на исповеди. Эффект попутчика. Ингрид докурила и села напротив Сони, отогнав собаку, что на секундочку опечалило.

– Пошел вон, бармалей. Все жрешь? Скоро лопнешь! – усмехнулась она, и Соня тоже усмехнулась в ответ. Собака действительно была помешана на еде и реагировала на любое движение в районе стола. – Значит, ты Соня? Понятно. Ты музыкант? Учишься с Володькой?

Вопросов оказалось слишком много, и было понятно, что сейчас наступит та самая традиционная точка в отношениях с незнакомыми людьми, после которой они узнают, что спросить Соню о чем-то – еще не значит получить ответ. Соня молчала. Ингрид – тоже.

– Все кругом мечтают о славе, – прервала она первой затянувшуюся паузу. – Не представляешь, сколько людей считают себя гениями, просто диву даешься. Все видят себя на больших стадионах, и чтобы плакаты, рев фанатов... А я вот думаю: зачем мне все это надо? У меня приятель в Испании, всю зиму меня звал к себе, а я тут торчу. Вот ты бы осталась здесь, если

тебя звали в Испанию, а? – Ингрид усмехнулась, но как-то горько. Так, что Соня вдруг подумала: а ведь она, кажется, несчастна.

В Испанию Соня не хотела. Хотя она бы не отказалась от собаки.

– Вот такая я дура. Иногда думаю, что все-таки это ошибка природы. Я бы должна родиться мужчиной. Какая пакость, быть такой слабой!

У Сони возникло ощущение, что Ингрид вообще неважно, слушают ее или нет, и уж точно ей было безразлично, отвечают ей или не отвечают.

– Девочки, чаю не хотите? – Володя заглянул в холодильник, но увиденное его явно разочаровало. – Может, мне в лавку метнуться? Вы тут одни справитесь?

– С чем? С наполнением пепельниц? – хохотнула Ингрид.

Володька нахмурился. Ему решительно не нравилось то, что происходит. Он привез сюда Соню, чтобы ее впечатлить, чтобы между ними возникло что-то большее, чем обычные отношения приятелей по институту. Сначала он боялся, что Готье ей не понравится, теперь он боялся, что Готье она вовсе не увидит, потому что тот не приедет, и будет на него, на Володьку, злиться. Более того, он боялся, что она уже злится. Потому что понять, что она чувствует, не было никакой возможности. На все вопросы о том, все ли в порядке, она только рассеянно кивала и продолжала чесать за ухом ленивого пса.

– Хочешь мороженого? – спросил он, лихорадочно придумывая, чем бы ее еще занять, пока приедет Готье. Но ведь это был Готье, и для него такие опоздания были в порядке вещей. Он мог вообще не приехать. Все это знали: Ингрид знала, Володя знал, а Соня – нет. Никто этого не любил, но все давно привыкли. Только Соня-то здесь впервые, и ей на все наплевать, она просто тратит свой выходной день. Володя мечтал, совершенно безосновательно, чтобы она осталась с ними, а не ушла после первого же знакомства только потому, что Готье опоздал.

– Купи лучше вина, – сказала Ингрид. – Вот скажи, Володька, почему мы все тут должны торчать? Где его носит? Меня это просто бесит! А потом, знаешь, – это она проговорила, повернувшись к Соне, – он придет, и все будут делать вид, что это нормально. Даже я буду делать вид, мать его, а почему? Почему, я вас спрашиваю?

– Ингрид, перестань, – нахмурился Володя и покосился на Соню. Это было совсем некстати: эти фирменные «состояния» Ингрид. Только не сегодня, не сейчас. В последние недели она была взвинчена больше обычного. Постоянно курила, хоть и знала, как Готье это ненавидит. Что-то с ней происходило. Вернее, что-то происходило с ними обоими, так как Ингрид и Готье – были парой, что всех скорее расстраивало. Ингрид была занозой в заднице, красивой, но взбалмошной, с музыкальной точки зрения Ингрид была практически бесполезна, она стояла на перкуссии, трясла погремушками, но также была и их менеджером, да и студия эта, кстати, была ее. Так что могла себе позволить любые состояния. Имела, так сказать, право.

– Я введу штраф, – усмехнулась она. – Возьму и оштрафую его на двадцать долларов.

– О, оштрафуй! – рассмеялся Володя, чтобы как-то разрядить обстановку. Он отчаянно пытался сохранять позитивный настрой, но это было непросто. Готье опаздывал, и ждать его уже все устали. Возникал вопрос: что делать, если он вообще не приедет? Ведь он же может.

Однажды Готье не пришел на прослушивание, и тут, в этой прекрасной пыльной студии, на огромном пыльном диване сидели и битый час пили кофе два продюсера – оба толстые и лысые. Володя тогда был в ярости – продюсерам не только понравилась их запись, они как раз подыскивали группу для записи рекламных роликов очередной кристально чистой воды, и перспективы виделись самые радужные.

– Работать с тем, кто пропускает деловые встречи, – не уважать себя, – сказал тогда старший, менее лысый продюсер. – Можно быть бездарным, но приходить вовремя, этот вариант нас устроил бы больше, Ингрид.

– Может, что-то случилось? – пытался спасти ситуацию Володя.

Более лысый, но эквивалентно толстый продюсер усмехнулся, поставил аккуратно чашку из-под кофе на журнальный столик и пошел к выходу.

– Случилось то, что вы, ребята, просрали свой шанс, – бросил он через плечо и, поцеловав в щечку Ингрид, ушел.

Потом Володя с Ингрид просидели целую ночь напролет на диване в ожидании Готье. Готье позвонил откуда-то и сказал, что ему надо побыть одному, а Ингрид рыдала часа два, не меньше, и клялась, что выкинет его на улицу и плевать она на него хотела, знать его не желает.

Ингрид, конечно, оставила все, как есть. Было много шума, много слов, даже несколько разбитых тарелок (пришлось потом покупать новый чайный сервиз), и все. А Соня, конечно, ничего не скажет. Ингрид влюблена, а Соне нет никакого дела ни до Готье (что Володе, по-хорошему, безразлично), ни до самого Володи, что его расстраивало. Соня встанет и уедет, и все. Иногда ему казалось, что она живет в какой-то другой реальности, что она – инопланетянин в теле шестнадцатилетней девушки, добровольно давшей обет молчания только потому, что подделать тело у пришельца получилось, а голос – нет.

Готье приехал, когда кончился дождь. Первой его услышала собака и рванула в прихожую еще до того, как в замочную скважину вставили ключ. Сразу за собакой встрепенулась Ингрид, и вообще все вдруг как-то пришло в движение, закрутилось и устремилось в прихожую. Ингрид вскочила, потом присела обратно, потом снова вскочила. И тут вдруг Соня увидела то, что ее потрясло до глубины души, то, что она так искала вокруг себя, но не видела ни разу и уже решила было, что все это – сказки, – Соня увидела в глазах Ингрид любовь.

Выражение ее лица в тот короткий момент, когда она раньше остальных поняла, что Готье здесь, было непередаваемым. Но если попытаться... Какое лицо будет у человека, которому в одну и ту же определенную минуту вдруг сообщили, что у него больше нет смертельного заболевания и он полностью исцелен и вдобавок к этому неожиданно выиграл миллион долларов, как тысячный пациент клиники?

Ингрид просияла, глаза ее зажглись огнем, а вся она дернулась, словно простреленная невидимыми токами, потом попыталась взять себя в руки, но улыбка все равно освещала ее лицо. Ингрид сделала одно отчаянное усилие, которое было практически видимым, и осталась стоять на месте, хотя ее сердце, ее глаза и мысли полетели навстречу Готье.

Соня смотрела на нее, как на самое большое чудо. Она вдруг с изумлением поняла, что эта красивая, высокая и грациозная женщина горит самым настоящим огнем, и даже отблески этого пламени в состоянии зажечь все вокруг. Так, еще даже не увидев самого Готье, Соня уже ощутила его незримую власть. Потому что мужчина, которого можно любить ТАК, стал ей вдруг интересен. Впервые за весь этот день она подумала, что, возможно, не зря сюда приехала. Потому что это было интересно, интереснее всего, что происходило до сих пор.

Соня еще раз бросила короткий взгляд на Ингрид: та суетливо делала себе кофе, видимо, хотела показать, что занята, что «даже не заметила, как пришел Готье».

Соня усмехнулась и повернулась к двери. Вот именно в этот момент она и увидела его впервые.

Он вошел в кухню. Возле его ног крутилась собака, и то, насколько она счастлива, было понятно по ее крупной рыжей морде. Собака махала хвостом, и если бы только смогла, поцеловала бы Готье в засос, а Соня подумала, что и Ингрид, кажется, готова сделать то же самое, но из-за всех сил сдерживается.

– Ну, что тут у вас новенького? – спросил Готье, обращаясь ко всем сразу. Он стоял, насквозь мокрый от дождя, и смеялся, поглаживая за ухом пса.

* * *

Много раз потом Соня задавалась вопросом, что именно было в нем такого, из-за чего он производил на людей впечатление такое сильное, что они, как в библейской притче, бросали все и шли за ним, куда бы он их ни повел. Не только на женщин, не только на Ингрид или тех девочек, что стояли в первых рядах fun-зоны и прожигали его взглядами, что, в общем-то, нормально. Любой мужчина на сцене способен породить океан фантазий, сколь бесплодных, столь же и сильных. Но Готье зажигал сердца и умы тех, кто в силу возраста, вида или пола не должен был быть уязвим. За ним шли собаки и мужчины, а уж последних надо очень убедить в чем-то, чтобы они вообще оторвали задницы от диванов.

Когда Готье вошел, Соня не сдвинулась с места, не пошевелилась и никаким образом не дала понять, что происходит. Однако она что-то почувствовала, но что именно, определить не смогла. В мире слов Соня находила только слабые, бледные эквиваленты того, что она почувствовала душой. Удар? Взрыв? Неконтролируемая реакция, в результате которой неожиданно усилилось кровообращение? Странное желание закрыть лицо руками и свернуться в клубок, словно бы вокруг не замусоренная пыльная студия, а поле боя – война.

Готье было лет двадцать пять или чуть больше. Он улыбался, и его взгляд скользил по людям, излучая одновременно и радость, и вежливое равнодушие, что было вполне объяснимо, так как его все время окружало достаточно большое число людей, преимущественно незнакомых. Не столь красивый, сколь выразительный, он был как воплощенное в живом виде произведение искусства, уникальное в своей правдивости. Готье был настоящим. И то, что он еще не ушел в тлен, заставляло сердце замереть и смотреть на него неотрывно, не отводя глаз. Так, как смотрела Ингрид, как смотрел Володя и многие другие. Соня тоже с интересом следила за ним взглядом, хотя еще не до конца осознавала его реальную силу.

– Черт, льет как из ведра! Иня, у нас есть во что переодеться? И чаю бы мне совсем не помешало, – сказал он и улыбнулся, глядя на Ингрид, которая делала вид, что обижена и зла. Готье был высок, и втроем – Ингрид, Готье и сидевшая за столом Соня – они заняли все пространство кухни. Такой рост, особенно в сочетании со стройной фигурой, придает всем движениям грациозно-неловкий, небрежный характер. Готье был одет в простые джинсы, в короткую джинсовую курточку и растянутую мокрую майку, прилипшую к груди. Готье не обладал идеальными пропорциями, но его тело излучало мужскую силу и власть.

– А где тебя носило? – бросила Ингрид капризным тоном, строя из себя королеву. – Ты должен был быть здесь уже три часа назад. Тебя ведь ждут!

– Так что, чаю не дашь? – спросил он, укоризненно склонив голову и заглядывая ей в глаза.

Соня увидела это – безмолвный диалог между людьми, которых связывает больше, чем просто какое-то общее дело. Глаза Готье, зеленые, насмешливые, излучали уверенность и что-то еще, не имеющее названия, уникально принадлежащее только ему. Глаза Ингрид молили о чем-то, известном только им двоим. Она злилась.

– Ты должен быть собранным, мы все здесь работаем, чтобы добиться успеха. Но если мы не будем репетировать... – Ингрид изо всех сил старалась изобразить безразличие, но спектакль проваливался. Она не справилась с ролью.

– Иня, а людям ты тоже не даешь чаю? – ухмыльнулся Готье. – Ладно, обойдемся. Сделаем сами, да? – Это он, кстати, сказал Соне, легко пробежавшись по ней равнодушным, немного насмешливым взглядом.

– Ты вообще понимаешь, что сам все время все разрушаешь? – завелась Ингрид, и Готье моментально помрачнел.

– Только не надо опять про тех двух козлов-продюсеров. Говорю тебе, они и не собирались нас брать! – тихо и скорее зло сказал он ей.

– Ты не знаешь! Ты не можешь знать, тебя тут не было, а они были, и сидели, и ждали тебя, но ты не приехал. ТЕБЕ НАДО БЫЛО ПОБЫТЬ ОДНОМУ! – практически прокричала Ингрид.

Она слишком долго ждала и теперь не могла остановиться, хотя и сама понимала, что лучше бы не продолжать в таком духе. Готье побледнел, потом повернулся и вышел из кухни. Воцарилась тишина. Через пару минут Ингрид вскочила и побежала за ним вслед. Володя проводил ее взглядом, подошел к Соне и спросил, хочет ли она поехать домой.

– Нет, – ответила она к его удивлению и, конечно, ничего больше не пояснила. Только встала и налила Володе и себе кофе, который Ингрид начала делать, да так и не доделала. Володя пожал плечами. Все кончилось минут через пятнадцать, в течение которых еще несколько человек спаслись бегством из студии и набились в кухню. Все сидели, обсуждали странности погоды, что-то насвистывали, говорили о том, что репетиции уже, скорее всего, не будет... и было это так, будто такие чаепития и такие разговоры велись на этой кухне уже в миллионный раз. А затем в кухню влетела Ингрид, лицо ее было румяным, а волосы растрепанными, и была она другой. За ней неторопливо вошел Готье. Голос у него был спокойный, мир был восстановлен, вулкан по имени Ингрид закончил извержение, на этот вечер по крайней мере.

– Иня, ты такая красивая, когда злишься! Ну, не будь такой букой.

– Не называй меня так, – сказала она, но уже не зло.

– Давайте лучше играть, – предложил Готье, улыбнувшись. – Вовка, ты принес варган?

– Да, привез, – кивнул Володя и побежал за сумкой.

– Ну и отлично, – кивнул Готье и снова посмотрел на Соню, хоть она и делала все, чтобы только не привлекать к себе внимания. – Так кто вы?

– Это Соня. Она с Вовкой, – пояснила Ингрид.

– И как тебе наша музыка? – спросил Готье Соню.

Володя подошел к нему и принялся что-то объяснять шепотом, краснея от неудобства.

– Что? – Готье прищурился и посмотрел на гостью внимательнее.

Соня только усмехнулась. Люди просто не могут обходиться без слов, как без пищи. Им физически плохо в тишине, и каждый раз каждый новый человек, узнававший о такой вот ее молчаливой особенности, был вынужден принаравливаться к ней по-своему. Большая часть людей решала, что она, Соня, имеет какие-то проблемы, скорее всего, умственного характера. Это объяснение было самым простым и понятным, оно давало возможность сформировать четкую собственную позицию. Она могла быть разной – от агрессивно осуждающей (таких надо дома держать) до благородно сочувствующей (тише, давайте не будем ее смущать). Это была как раз позиция Володи – он все время боялся Соню засмущать, чем ее невероятно смешил. Были еще такие, которых Соня про себя называла деятелями. Они через пять минут после объяснений говорили что-то вроде:

– А вот у меня есть отличный знакомый психолог, он как раз специализируется в этой области. Давай я ему позвоню! – Таких Соня терпеть не могла. К сожалению, они встречались чаще, чем хотелось бы. Больше всего ей нравились такие, как Ингрид. Она ни на секунду не удивилась Сониной молчаливости, а просто села и начала с ней говорить. Теперь Соня стояла и думала, к какой категории будет отнесен Готье. Он же, кивнув, внимательно посмотрел на нее, и в его глазах пробудился интерес.

– Значит, это ты Элиза? – спросил он вдруг.

– Почему Элиза? – опешил Володя. – Соня.

– И кто твои братья? – спросил Готье, обращаясь только к Соне. Она совершенно не понимала, о чем он, и уже вполне решила, что проблемы умственного характера есть и у него.

Но тут Готье продолжил:

– У меня есть сестра, Витка. Это от Виктории, сокращенно. Она младше меня на восемь лет, и меня постоянно заставляли читать ей книжки, – сказал он, посмотрев на Соню со странной улыбкой. – Хочет убить двух зайцев, знаешь ли: и меня приучить к чтению, и ей чтобы на ночь, значит, не читать. Мать у нас была человеком рациональным, всегда могла найти мне применение. Чтобы и от меня была польза. А Витка всегда требовала, чтобы я читал сказку «Дикие лебеди». Не помнишь? Это Андерсен. Витка в детстве любила эту сказку, была просто помешана на ней. – Готье усмехнулся, в то время как Соня смотрела на него с недоумением. – Про принцессу, которая молчала, потому что должна была сплести братьям рубашки. О, я эту сказку на всю жизнь запомнил! Сейчас меня разбуди среди ночи – расскажу ее целиком без запинки. А ты кого спасаешь, сестрица Элиза?

Соня молчала, пораженная, а Готье не прерывал молчания и просто смотрел на нее изучающе. Потом вдруг, словно что-то для себя понял, тряхнул головой и потерял к ней интерес.

– Ну что ж, пусть побудет. Принесите мне камертон! – приказал Готье и ушел, не дожидаясь ответа.

Соня постояла в нерешительности. Такую реакцию она встречала впервые. Помедлив еще несколько минут, она пошла за всеми.

Двери в стеклянное «зазеркалье» были открыты, все начали настраиваться, сыгрываться, кто-то сел на барабаны, и помещение наполнилось шумом. Группа, которую собрал Готье, состояла из приличного количества народу, и не все были одинаково хороши. Володька играл на духовых, самых разных, по большей части народных. Было не так просто найти музыкантов, специализирующихся на народных инструментах, и в этом крылась причина, почему Володьку до сих пор держали. Играл он не очень. Так бывает.

Жизнь несправедлива, и, к примеру, Соня, не испытывающая по этому поводу никакого экстаза, легко и без усилий проникала в техническую суть любого музыкального приема, любой задачи. Она прекрасно чувствовала, где надо добавить, а где убрать Crescendo или Allegro. Для нее в этом не было никаких проблем, она была такой от природы. Это было еще кое-что, что она узнала о себе. Она была способна к музыкальным наукам, как некоторые способны к иностранным языкам. Тем печальнее, что это было ей не слишком-то интересно, потому что Володька отдал бы все на свете, чтобы иметь такую же легкость и расположенность к этому, ведь он-то музыку обожал. Он поступал в Гнесинку трижды, играл на гитаре и балалайке. Он репетировал часами. У него горели глаза, а Соня только зевала от скуки. Что ж, жизнь несправедлива. Володя не умел чего-то такого, из-за чего все остальное просыпалось сквозь пальцы. Чего-то, что умела (хоть и без всякого реального желания) Соня. И, безусловно, умел Готье.

– Ну что ж, сыграем. Давайте-ка что-то для разогрева. Давайте «Волю» для начала, – сказал он.

Соня пристроилась в уголке. Мелодия сначала больше походила на хаос из-за несыгранности инструментов, но постепенно очистилась, выделились партии, была сведена громкость. Все приносили свой необходимый звук в общее дело. Готье играл на гитаре и пел. У него был чистый голос, средней высоты тембр, не тенор, скорее баритон, но с хорошим диапазоном и с бархатным, мягким звучанием. Словом, красивый голос от природы. Его привлекательное лицо, когда он запел, засветилось и наполнилось какой-то внутренней радостью, и в этот момент стало ясно, что для него эта музыка, эта песня – простая в общем-то и имеющая только некоторые отблески народных мотивов – главное, то, что наполняет его смыслом. А все остальное... Сейчас все остальное было от него невероятно далеко.

Они останавливались много раз, переигрывали какие-то отдельные куски, меняли что-то. Брели другие песни, другие проигрыши, пробовали варианты. Их музыка звучала хоть и не вполне, но довольно профессионально. Клавишник был хуже всех, даже хуже Володи, и Готье постоянно на него ругался, требовал, чтобы тот собрался. От Володи, в общем, многого-то

не ждали. Он добавлял этого самого «этно» и делал это вполне добротнo. Клавишник должен был вносить весомый вклад, а он сбивался, терял ритм. Впрочем, даже при всем этом музыка существовала.

То, что делал Готье, имело смысл. Это было ясно, чувствовалось в любой песне. И то, что Соня так отчетливо увидела в его зеленых глазах, теперь стало ясно – он был талантлив. Не просто стремился произвести впечатление или заработать денег. Или выделиться как-то из огромной толпы молодых мужчин, стремящихся к успеху. Он делал музыку, и это дело было, безусловно, главным для него. И эта внутренняя преданность наполняла все вокруг него смыслом. Даже Соня, хоть это и было ей несвойственно, почувствовала, что во всем этом что-то есть. Одну песню она с удивлением узнала – она слышала ее однажды на какой-то радиостанции.

Готье был деятельным и собранным, и силы его не кончались, а, наоборот, только прибывали. Они играли до поздней ночи, а Соня все сидела и слушала. Она даже забыла позвонить бабушке, а такого с ней раньше никогда не бывало. Соня задумалась. Стоило бы выбраться из репетиционной, но она не стала – боялась потревожить Готье. Ей нравилось на него смотреть, а то, что бабушка будет ругаться, это ей показалось пустяком. Вряд ли бабушка нагрянет к ней после этого с проверкой. Для этого она ей слишком доверяла. Скорее всего, решит, что Соня просто раньше времени уснула.

Через несколько часов непрерывной игры, обессилев, Ингрид запросила пощады, у нее затекли плечи и шея. Она держала бубны слишком высоко.

– Давайте перекусим.

– Иня, жрать вредно – можно потолстеть. Особенно после шести, – дразнился Готье.

– А сейчас уже не после шести, а почти около того! – хмыкнула, нисколько не обидевшись, Ингрид. Во всем, что касалось внешности, она знала себе цену, и никто не смог бы поколебать ее уверенности в себе.

– Давай ты пойдешь и сваришь пельмени, а мы тут еще помучаем клавиши, – предложил Готье.

Однако клавишник, усталый белобрысый парень с татуировкой на плече, замотал головой.

– Если бы я еще понимал, чего тебе надо. Готье, ты просто педант. Все вполне нормально.

– Мне не надо нормально. Мне надо – чтоб никаких этих твоих смазанных переходов. Думаешь, все на свете можно скрыть за «эхом»? Моя музыка – это чистые переходы от тишины к звуку и обратно. А у тебя – сплошной гул.

Готье говорил легко, без нажима, но было видно, что он недоволен. Так же как и то, что белобрысому на это наплевать. Он словно бы и не был здесь, он напоминал студента, отбывающего скучную лекцию.

– Ну нет, я тоже хочу пельмени. Иня все разварит, как всегда, – возмутился клавишник, вскочил и пошел на кухню.

Через несколько минут вся группа перебазировалась на кухню. Готье потянулся – все-таки тело немного затекло за время работы, раздраженно растрепал свои темные, чуть не достигающие до линии подбородка волосы, вьющиеся и спутанные, и тоже направился на кухню. Соня осталась одна. Она не хотела пельменей, да и вообще не привыкла есть посреди ночи. Когда все ушли, она подошла к клавишам и нажала кнопку «On».

Знала ли она, что делает? Пожалуй, знала. Рассчитывала она на эффект – пожалуй, нет. Она много времени в своей, пусть и короткой еще жизни посвятила наблюдениям и сравнениям, так что понимала прекрасно, что все не так просто и что серьезные вопросы не решаются с помощью мимолетных порывов. Тем не менее, пока в студии никого не было, Соня села за клавиши и стала играть.

Она сделала это абсолютно бессознательно, ей просто нужно было чем-то заняться, чтобы иметь причины остаться – а это и было ее целью, ее задачей, и больше не было ничего, решительно ничего, что она могла сделать. Слова тут не могли бы помочь. Что она могла сказать? «Можно я останусь?» Зачем? «Давайте я помою посуду?» Возможно, но не факт. Могли бы и прогнать. Так что она стала играть, и это было логично, хоть музыка сама по себе и не была ей интересна. Зато ей был интересен Готье.

Впрочем, этого могли и не заметить, ведь дверь в репетиционную была плотно закрыта, а сама комната, как известно, плотно обита звукоизолирующим материалом. Все ушли в кухню, и никто, по-хорошему, мог не услышать того, как Соня, со свойственной ей тщательностью и последовательностью, переигрывает все те мелодии и мотивы, которые так портил белобрысый клавишник. За несколько часов они были проиграны миллион раз, и то, что она запомнила их, не было ни удивительным, ни экстраординарным, особенно для человека, который, как ни крути, занимался столько лет музыкой.

Она сидела на круглом стуле, отрегулированном под другой рост, развернувшись спиной к двери, и перебирала мелодии, что-то прибавляла, импровизируя, поправляла какие-то неправильные, с ее точки зрения, места. Все это было для нее вопросом больше техники, чем вдохновения. Если вдохновение как таковое и пришло к ней неожиданно в тот момент, она его не идентифицировала и не поняла. Она просто играла, а Володя открыл дверь, чтобы позвать ее в кухню. Он не понял, почему она осталась сидеть одна, увидел, что ее отсутствия никто не заметил. Приоткрыл дверь и застыл в изумлении.

– Что это? – раздался из кухни голос Готье.

Соня вздрогнула и обернулась. Готье с Володей стояли в двери и таращились на нее.

– Она... она... – бормотал Володя, – лучшая на курсе.

– Да что ты? – хмыкнула Ингрид. – Вот так сюрприз. Так тут налицо заговор!

– Но как, когда? У нее что, записи? – спросил хмурый белобрысый.

– Может, Володька что-то приносил?

– Большая часть материала даже не записана, – вмешалась Ингрид.

Готье молчал. Соня, естественно, тоже молчала как убитая. Потом Готье подошел к Соне и коротко скомандовал:

– Повтори.

Соня помедлила, а потом начала снова с того места, на котором он ее прервал.

– А «Мурку» можешь? – хмыкнул белобрысый. – А так-то любой дурак сумеет.

Но его жалкие попытки как-то обесценить происходящее не нашли отклика. Все стояли и слушали молча, несколько ошарашенные, с такими лицами, что Соне даже стало немного смешно. Потом Готье сказал:

– Иня, иди подшуми Элизе. Попробуем!

– У меня пельмени убегут! – фыркнула Ингрид с дивана. – Им плевать на твою музыку.

– И я тебя тоже люблю, – рассмеялся Готье. – Пусть Санька последит.

Санька – это и был белобрысый клавишник – зло посмотрел на Соню и ушел, сильно хлопнув дверью. Ингрид взяла в руки бубны, Готье схватил гитару, Володька взялся за флейту, но Готье помотал головой – не надо. А Соня на минуту замерла, пытаясь понять, что происходит. Потом она заиграла.

Глава 3

Ингрид Шеллер родилась и выросла в Москве. А родилась она только потому, что ее мать должна была заполучить, захомутать и привязать к себе ее отца, сорокалетнего Рудольфа Шеллера, чистокровного немца, родившегося в Гамбурге. Ингрид-то и понадобилась Насте Полозовой, чтобы она могла окончательно утвердиться в статусе супруги обеспеченного немца.

История была стара, как мир, хотя в те годы, в начале 70-х, такое случалось нечасто.

Рудольф Шеллер – инженер, специализировавшийся в области металлургии, живший в ту пору в ФРГ, оказался вовлечен в грандиозную сделку века, условно именовавшуюся «Газ-трубы». Речь шла о создании нового газопровода между СССР и Европой, чего до той поры не было в истории, и таким образом Рудольф попал в советскую Россию. Последовательность событий была достаточно случайна, он просто оказался в нужное время в нужном месте.

Россия того времени произвела на Рудольфа неизгладимое впечатление. Позднее он говорил, что словно оказался в параллельной реальности, где действуют совершенно другие законы физики и где, к примеру, если сильно подпрыгнуть, можно взлететь и допрыгнуть до стратосферы. Все сигналы, столь обычные для остального мира – улыбки, вежливые вопросы, кивки, – здесь вызвали самые странные реакции – вплоть до грубой брани или испуганного бегства. С другой стороны, именно здесь Рудольф неожиданно обратился в персону VIP, только потому что жил в «Интуристе», носил бейсболки и говорил на иностранном языке.

Знакомство с Анастасией Полозовой было стремительным и ошеломляющим для обеих сторон, но в большей степени все же именно для Рудольфа. Мать Ингрид влюбилась в Рудольфа Шеллера сразу же, как только его увидела и даже раньше, задолго до их встречи. Про нее можно было сказать, что она была той самой, первой советской «бимбо», охотницей на олигархов в стране, где олигархи еще даже не появились как класс.

Анастасия Полозова – спортсменка, комсомолка и просто красавица – не мечтала построить ни Байкало-Амурскую магистраль, ни крепкую советскую семью. Она хотела удачно выйти замуж.

Будучи женщиной умной или скорее мудрой, Анастасия не стала относиться к своей природной красоте, как к приятной данности, и уж точно, она понимала, что такая красота не вечна и требует жертв, причем немедленных. Она работала над своей внешностью так, как если бы готовилась стать моделью, говоря современным языком. Тогда моделей было еще не так много, и об искусстве поддерживать и улучшать свою внешность говорилось очень мало. Советская женщина должна была:

- а) вносить посильный вклад в дело строительства коммунизма;
- б) быть хорошим товарищем, состоять в партии;
- в) ходить на субботник.

Любовь считалась светлым чувством, и играть этим чувством запрещалось. Любовь должна была «нечаянно нагрянуть» к женщине как раз в тот момент, когда она собирает картошку или еще какой урожай, невзирая на грязные руки, перемазанное лицо и мятый платок на голове.

Все это никоим образом не сочеталось с внутренними убеждениями Анастасии Полозовой. Она была убеждена, что таким образом к ней нагрянет любовь, от которой она потом всю жизнь не отмоется. Ее мечты были иными, и ради них она старательно обесцвечивала волосы гидроперитом, умело готовила в домашних условиях маски для лица, бегала трусцой и шила модные наряды, раз уж это был единственный пристойный способ одеваться красиво в серой и строгой России. И все это – ради призрачной мечты однажды, когда придет ОН, уж не упустить свой шанс.

О том, как именно должен выглядеть ОН, Анастасия имела весьма смутные представления. Дипломат как минимум, а лучше лауреат премии, вокалист популярного ВИО, дирижер симфонического оркестра... Она, конечно, не мечтала о принцах заморских – такие мечты в головы советским женщинам не залетали вовсе. Она просто хотела найти холостого министра и создавала для этого возможности, помня о том, что «мы не ждем милостей от природы и взять их – наша задача».

Анастасия выбрала для себя профессию стюардессы, имея романтические представления об этой работе, но представления эти, к сожалению, не оправдались. Работа была трудной и скучной, пункты прибытия и отлетов слились в один сплошной ком из холодных гостиниц и пустых аэропортов северных городов. Она была в восторге от героини по имени Наташа из оглушительно-чувственного фильма «Еще раз про любовь». Она видела в этой Наташе себя и рыдала навзрыд, когда героиня фильма в исполнении Дорониной не пришла на последнее свидание. Но через несколько лет Анастасия признала – «принцев» в воздухе так же много, как и на поле с картошкой, в основном рабочие и колхозники. Никаких особенных лауреатов. В Оренбург, Ужгород и Уренгой лауреаты не летали. Нечего им там было делать.

Анастасия была девушкой практичной и стремилась попасть на международные рейсы, но эта дверь не то что была для нее закрыта – никакой двери и вовсе не было. Молодых, красивых и в самовольно укороченных форменных юбках стюардесс на международные рейсы не брали, так как на кадрах в гражданской авиации, знаете ли, тоже не дураки сидели. Анастасия выросла, приходила в отчаяние.

Надо отдать ей должное, хоть и по всем приметам ее усилиям было суждено пойти прахом, она «не опускала» ни рук, ни расчески, ни тюбика с краской. Как только выдавалась возможность, Анастасия усаживалась в шезлонг и предавала свое упругое тело сжигающему солнечному огню, загорала и продолжала отвергать предложения если не рук и сердец, то уж приятных вечеров и корзин с фруктами точно. А таких предложений поступало – море. Все остальные девушки вокруг нее пали, а она стояла, как Берлинская стена. Выдержка и целеустремленность – редкий дар, умение, которому она впоследствии научит и Ингрид. Анастасия уже почти пересекла стратегически важный рубеж в тридцать лет, когда чудо все-таки произошло, с лихвой окупив годы страданий и лишений.

Рудольф летел на место укладки трубопровода, в Оренбург, летел обычным рейсом, по обычному советскому билету, что было, конечно, ненормально и политически некорректно, но международных рейсов в такое место просто не придумали. Анастасия разносила напитки и раздавала пледы. Когда он улыбнулся ей и спросил что-то о сигаретах, она сразу поняла, что это ОН и что если не сейчас, то, скорее всего, никогда.

У Рудольфа не было ни одного шанса. Из самолета он вышел уже безнадежно влюбленным и убежденным, что неожиданно встретил свою судьбу. Свидания в аэропортах, судорожное штудирование самоучителей по немецкому языку, фотографии на память, долгие разговоры, из которых Анастасия понимала максимум несколько слов. Тогда не существовало еще никаких пособий по соблазнению, но Анастасия делала все правильно, делала все так, что потрясенный внезапным чувством Рудольф был готов бросить к ее ногам все, что имел, тем более что по их западным меркам имел он не так уж много. Ему было около сорока, он никогда не был женат, и его карьера была самой обычной – до того момента, как был подписан эпохальный договор «Газ-трубы».

Тут-то и скрывалась проблема. Любовь любовью, но ради прекрасных серых глаз русской красавицы, пусть даже и очень-очень любимой, Рудольфу бы пришлось пойти на крупный скандал и, скорее всего, попрощаться с карьерой. Не за этим, ой, не за этим посылали его в СССР! И Рудольф раздумывал.

И тут на помощь матери пришла Ингрид. Как последний, совершенно неоспоримый аргумент в пользу большого, но не очень советского чувства, поглотившего душу и сердце Рудольфа Шеллера.

Однажды, когда Ингрид была подростком и испытывала свою мать на прочность вспыльчивостью, криками и бесконечной безалаберностью, она спросила мать, зачем та ее родила. Такого рода вопросы весьма часто задают подростки, просто как аргумент в защиту невымытых тарелок и нежелания учиться.

– Я родила тебя, чтобы удержать твоего отца и заставить его жениться, – отчеканила Анастасия, холодно улыбаясь. – И если ты будешь себя хорошо вести, и тебя научу, как добиваться в жизни всего, чего пожелаешь.

– Я никогда не буду такой, как ты, – самонадеянно заявила Ингрид, но уже через несколько месяцев изменила свое мнение.

Позже Ингрид стала прекрасной ученицей все еще прекрасной учительницы и во многом ее превзошла.

Естественно, под влиянием доводов будущего отцовства Рудольф Шеллер женился и действительно чуть было не получил черную метку, но время уже стремительно шло к началу конца советского строя, и его опыт и вклад в газотрубую отрасль оказался более весомым, чем его личная жизнь. Их оставили вместе с одним условием – семья должна жить здесь, в России. Так, на всякий случай. Как бы чего не вышло.

Но через несколько лет и это условие растворилось в небытии, начались совершенно другие времена, и все перевернулось с ног на голову.

Рудольф стал очень обеспеченным человеком и окончательно погрузился в семью. Он купил уютный таунхаус в пригороде Берлина и квартиру в Москве. В дочери он просто души не чаял, что нисколько помогло росту ее самооценки. Особенно учитывая то, что девочка пошла в мать и была одновременно красива и амбициозна. Рудольф Шеллер просто наглядеться на нее не мог.

За долгие годы спокойной и, надо сказать, счастливой супружеской жизни Анастасия Дмитриевна Шеллер превратилась именно в такую женщину, какой всегда мечтала стать – в респектабельную, умопомрачительную красавицу средних лет, вокруг которой никогда не стихал восторженный шепоток. В свои пятьдесят с небольшим она выглядела если не моложе, то уж точно более ухоженной и стильной, чем в пору юности, и у нее было чему поучиться. К концу перестройки Анастасия Шеллер окончательно осела в Берлине, оставив дочери возможность жить-поживать да добра наживать в Москве. Ингрид предпочитала Москву.

Все свое детство и юность Ингрид летала между стремительно меняющейся Москвой и относительно неизменным Берлином. Ингрид, конечно, не могла не видеть тех перемен, что произошли с городом ее отца после падения Берлинской стены, однако все эти перемены были ерундой по сравнению с полным перерождением Москвы советской в Москву постсоветскую. Ингрид сравнивала оба эти мира, похожие на утопию и антиутопию и такие же непреодолимо разные. В результате всей совокупности обстоятельств ее жизни и специфической семейной ситуации Ингрид выросла в совершенно невероятное существо – эгоистичное, но и необыкновенно красивое. Она была умна, говорила на двух языках, образование получила в Германии, но была достаточно ленива и заиклена на себе. Она увлекалась самыми разными вещами, однако никогда не доводила начатого до конца и ни во что не погружалась всерьез, и прежде всего потому, что в этом не было необходимости.

При безоговорочной любви отца и умелом наставлении матери Ингрид действительно научилась получать от жизни все, что хотела. Только вот хотела она совсем не того, что хотели для нее родители. Уже несколько раз ей предоставлялась счастливая возможность выйти замуж

за весьма достойного мужчину, молодого и красивого, с хорошей жизненной позицией, из хорошей семьи. Но Ингрид отказывалась.

В Москве она преимущественно жила в родительской квартире, в доме, расположенном недалеко от Московского зоопарка, она не работала и ничем особенным не занималась. Сейчас бы ее без всяких проблем отнесли к светским львицам и оставили бы в покое, но в те времена ругали ее и стыдили за подобный образ жизни. Родители даже попытались ограничить ее в деньгах. Но этот метод воспитания тоже не сработал.

Ингрид никогда не испытывала недостатка в деньгах, они поступали непонятно откуда. Она ездила на самой последней модели «Ауди», красной, конечно же, дорого одевалась, летала отдыхать во Францию и никогда не просыпалась по утрам раньше двенадцати часов. Ей постоянно звонили какие-то непонятные личности, и родители по-настоящему за нее беспокоились. Но она была уже совершенно взрослая, и что можно было с ней поделать?!

Года четыре назад за Ингрид начал всерьез ухаживать один бизнесмен – весьма богатый и уважаемый человек, которого даже родители одобрили, хоть и не без оговорок. Ингрид не слишком-то отвечала на его чувства, но зато он нашел ее «кнопку» – да, оказалось, что и у Ингрид есть «кнопка», и этот самый бизнесмен ее нашел. Он сказал, что у Ингрид есть талант.

До этого никто и никогда не говорил Ингрид, что у нее есть талант. Все, безусловно, признавали, что у нее есть внешние данные, есть фигура и шарм, а также то, чего никогда не может быть много – обаяние и сексуальность. Но талант?

Бизнесмен нашел у нее талант музыкального характера, и хотя до этого Ингрид была от музыки далека, дальше, чем Владивосток от Москвы, его комплименты и посулы имели совершенно невероятное воздействие. Ингрид всерьез увлеклась музыкой. Ее образование – экономическое – никоим образом не отвечало ее жизненным устремлениям. Она всегда хотела заниматься чем-то изысканным, чем-то творческим и мечтала с полным правом быть частью богемы. На этом-то и сыграл бизнесмен, всюю превознося ее талант, голос и в особенности пластику, к которой был особенно расположен.

Результат этих ухаживаний удивил всех. Была закуплена подходящая таланту Ингрид песня, были сшиты костюмы, найдены все нужные люди. Даже был написан сценарий клипа, и должны были начаться съемки. Бизнесмен потерял голову совершенно, подарил Ингрид квартиру на метро «Сокол», которую, по ее капризу, переоборудовали в студию. Он даже сделал ей предложение, хоть и оказался сам на тот момент женат, а потом куда-то исчез с горизонта. Возможно, скрытая за кулисами жена решила выйти на сцену, возможно, бизнесмен попал в какое-то затруднительное положение. Факт был фактом – он исчез, перестал звонить и отвечать на звонки. Не сказать, чтобы Ингрид была опечалена. Ведь она была молода, перед ней были открыты все дороги, и к тому же теперь она знала, чего хочет. А она хотела музыку, в любом виде.

Вернее, скажем так, Ингрид хотела славы. Она больше не желала просто быть чьей-то женой, она больше не желала разделить судьбу своей матери. Она хотела, чтобы говорили о ней, а не о ком-то еще и чтобы на встречах именно она была главной в списке.

Конечно, бизнесмена было жаль. От него она могла получить много пользы, но ведь оставалась квартира, оставались продюсеры, наработанные связи. Даже отснятый материал для клипа и права на одну песню. Но все это вскоре стало неважным, потому что Ингрид встретила Готье.

* * *

Их отношения продолжались уже больше года, и иногда Ингрид задумывалась над тем, какого рода это были отношения, и были ли это вообще отношения. Что-то было, это безусловно, это неоспоримо. Были нелепо короткие ночи, были поразительно длинные дни, когда

она ждала его. Она, которая вообще никого никогда не ждала и которая терпеть не могла никакие рамки и ограничения. Были короткие моменты странного, необъяснимого счастья, такого сильного, что она чувствовала, что может от него умереть.

– Что ты, сумасшедшая? Как можно умереть от счастья? Чудовищно и банально, знаешь. Как «слиться в поцелуе на фоне заката, когда теплые океанские волны лижут песок». Ты пробовала когда-нибудь лизать песок? – смеялся Готье, запутывая руками ее длинные волосы.

– Ты хуже жвачки, которая прилипает, – после тебя волосы вообще невозможно расчесать.

– Самые солнечные волосы в мире, – говорил он, с сожалением убирая пальцы. Он их любил, говорил, что таких сияющих рыжих волос просто не бывает и что за них он готов поставить памятник какому-нибудь Менделееву – за создание науки химии, которая дала миру такие прекрасные красители.

– Это мой натуральный цвет, – возмущалась Ингрид. Хотя, конечно, это были специальные составы, ее мать присылала ей из Германии. Натуральный цвет! Самое сложное в работе «красивой женщины» – выглядеть натурально. От Ингрид и в самом деле падали в обморок все мужчины – от двадцатилетних до семидесятилетних. Но не Готье. Он любил ее волосы, однако это совершенно ничего не меняло. Ингрид была совершенно уверена в том, что он ее не любит. Он вообще никого не любил. Никого и ничего, кроме своих безумных снов, мыслей, в которые проваливался, как в параллельную реальность. Он ценил только мир звуков, от которого действительно был без ума.

Это-то и было самым сложным – смириться с тем, что, как бы ты ни старалась и каких бы успехов ни добилась, ты остаешься номером «два», что совершенно Ингрид не устраивало. Она пыталась бороться. Безуспешно старалась вызывать в нем ревность, приводила ухажеров, тех же продюсеров, показывала свою значимость, кричала и требовала, когда не оставалось терпения, но Готье было все равно.

– Иня, мне плевать, с кем ты таскаешься. Мне даже плевать, если ты спишь с ними. Мне даже плевать, спишь ты со мной или нет. Ты взрослый человек и можешь делать все, что хочешь, – говорил он, пожимая плечами.

– Ты только делаешь вид, что так думаешь! – кричала Ингрид, но в глубине души больше всего боялась, что он говорит всерьез. Он был странный, этот мужчина. Он был устроен совершенно по-другому, не как все. Ему никто не был нужен, а с таким недостатком очень трудно мириться.

Ему и успех не был особенно нужен. Когда они познакомились, Готье сидел на чьей-то кухне и наигрывал какие-то мелодии на гитаре. Его длинные пальцы легко и свободно летали по грифу гитары, так, словно бы жили своей собственной жизнью, а сам Готье в этот момент думал о чем-то о своем.

Ингрид присела на корточки рядом с ним, чего он даже, кажется, не заметил, и стала слушать. Мелодия, которую он наигрывал, была чистой, наполненной, практически готовой.

– Слушай, это неплохо! – хмыкнула Ингрид. В то время ее только-только оставил невесть куда скрывшийся спонсор-бизнесмен. – Совсем неплохо.

– Спасибо эльфам, – кивнул Готье и продолжил наигрывать.

Ингрид подождала, когда он закончит, но он даже, кажется, не отдавал себе отчет, что кто-то сидит и чего-то ждет от него.

– А можешь спеть что-нибудь? – спросила она, когда возникла небольшая пауза в его безостановочном гитарном монологе.

Он повернулся к ней, и тогда она впервые увидела его глаза – зеленые, неяркие, скорее цвета морских водорослей. Он посмотрел на нее, чуть подергал бровями и улыбнулся.

– Воля эльфов – закон! – И запел.

Что же это было? Кажется, «Лунная радуга». Голос оказался тоже чистым и наполненным, было видно, что человек пел, и пел много. Песня кончилась, а Ингрид уже потерялась в этих странных переливах.

– А есть записи?

– А зачем? – пожал плечами Готье. И в этом был весь он. Он никогда не понимал: зачем? Записывать альбомы, пытаться пробиться на радио, кланяться в ноги продюсерам, раздавать диски всем направо и налево. Путь на сцену был тернист, требовалось звериное упорство, волчьи клыки, гуттаперчевая совесть. Все это Ингрид поняла, когда записывала клип, разговаривала со всеми этими масляными, улыбочивыми людьми, ошупывающими ее глазами.

– Ну а зачем ты поешь? Ты сам пишешь?

– Сам.

– А зачем?

– Чтобы было. – Он пожал плечами, отложил гитару и вышел.

Готье не любил разговоров. Сколько раз потом, когда Ингрид в изнеможении забрасывала его аргументами – неопровержимыми, достоверными, – он просто вставал и уходил. Бросал что-то типа «Иня, не будь буклой» – и уходил. Никаких сил!

Как и почему они остались вместе, было для нее вообще тайной за семью печатями. В тот день он не обращал на нее никакого внимания и не реагировал ни на одну из ее штучек, просто смотрел своими большими, немного затуманенными, отстраненными зелеными глазами и улыбался. Она старалась, она хотела его впечатлить. Длинный и несуразный, совершенно неправильный – он не курил, не пил, морщился, когда кто-то матерился и был демонстративно «зеленым», природным. Он не хотел ничего того, что было принято хотеть. Он хотел, чтобы люди перестали ездить на машинах, а снова стали бы ездить на лошадях. Ей было нечем его поразить. К концу вечера она выпила больше, чем нужно, так как никакого самообладания не осталось. Она уже решила, что уедет с вечеринки с другим. Она была слишком хороша для слез и не собиралась терять самооценку. Лучший способ поправить здоровье – мужские комплименты и мужские объятия.

Поздно вечером, когда ничего спиртного уже не осталось (текила кончилась, и даже соль, и лимон), Готье вдруг встал и подошел к ней.

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросил он.

Ингрид опешила. Буквально распахнула глаза и рот от удивления, лихорадочно соображая, как отреагировать на такое. Хочет ли она? Сказать по правде, очень! Почему? Черт его знает. Но ведь не скажешь же так просто – да, поехали, я тебе отдамся. Так же не делается, верно?

– Тебе что, негде переночевать? – Это было единственное, что пришло ей в голову.

Готье замер, непонимание отразилось в его красивых глазах. Он облизнул губы, помедлил, потом покачал головой.

– Почему? У меня есть дом. – И замолчал.

Он стоял перед ней, глядя ей в глаза. Все было предельно просто, и это было гораздо сложнее. Ну что, ему разве трудно действовать традиционными методами? Предложить ее проводить? Спросить про чашечку кофе? Предложить показать пластинки или картины? Есть столько условно признанных «приличными» способов уйти с вечеринки с совершенно незнакомой женщиной, и как же можно вот так, напрямую, спросить, а не хочешь ли, чтоб я поехал с тобой? Тоже мне, поручик Ржевский. «Разрешите вам впендюрить!» Ингрид была возмущена, она была оскорблена, она была уже совершенно готова сказать ему об этом, но вместо этого произнесла совсем другое.

– Я живу возле зоопарка.

– Я люблю зверей, – сказал Готье. Потом, словно вдруг забыв о предложении, которое только что сделал, повернулся и пошел обратно в гостиную.

Ингрид стояла и чувствовала себя полной идиоткой. У нее горели щеки, она была скорее зла, чем заинтригована. Так с ней еще ни разу не поступали. Тут Готье вернулся из гостиной, с гитарой в руках.

– Ну что, идем? – спросил он, протянув ей руку.

И все! Она пошла за ним, как прирученный мустанг, послушно и покорно. Много раз она спрашивала себя, что было бы, если бы она осталась. Ни одного шанса, что он бы стал ее уговаривать, делать какие-то шаги. Он бы пожал плечами и ушел один. Было бы это лучше? Было бы хуже? Она затруднялась ответить. Безусловно, она бы избежала многих проблем.

Они не жили вместе, хотя зачастую это выглядело именно так. Они много времени проводили вместе, но это не значило ровно ничего. Он был как деревенский кот одной из московских подруг Ингрид. Кота звали кто Степаном, кто Василием Ивановичем, а кто и просто Котом. Он был большой и красивый, завелся он у подруги сам собой – пришел в один прекрасный день к дверям ее загородной дачи, круглогодичной ведомственной трехэтажной постройки. У подруги отец был – генерал, а генерал, как известно, не звание, а счастье. Дом строили солдаты, и он получился теплым, комфортным и громадным.

Чей этот кот был изначально, история умалчивает, и выяснить этого не удалось. Людей, которые со временем привязались к Степану и считали его своим, было несколько. Кот был ухоженный, сытый, приходил далеко не ко всем, и те, кого он решал осчастливить своим появлением, благодарно кормили его, гладили, рассказывали о своей жизни. Иногда Кот оставался, иногда приходил и почти сразу уходил, иногда мог прожить и неделю. Подруга любила этого Кота, хотела увезти его в Москву, но Кот будто чувствовал ее планы и скрывался каждый раз, стоило ей только задуматься о клетке-переноске. Готье был такой же. Он не жил с Ингрид, даже если не выходил из ее студии неделями. Он там обитал. Квартиру Ингрид, ту, что находилась в непосредственной близости от Московского зоопарка, Готье не любил и практически не появлялся там – слишком гламурной она была, слишком много там было диванов, больших плазменных телевизоров, постеров с изображением Манхэттена. Он предпочитал студию, так что Ингрид фактически переселилась туда, хоть ей и не хватало бархатного комфорта ее уютной квартиры. Но что поделаешь – Готье есть Готье.

Больше всего ее бесила эта его ненормальная особенность – встать, открыть дверь и выйти куда-нибудь на несколько дней. Ни ответа, ни привета. Пишите письма до востребования. Но сколько она ни пробовала на него влиять, ничего не помогало. И Ингрид смирилась. Потому что выбор перед ней стоял совершенно простой. Либо принимать его таким, как есть, либо...

Она не представляла себе жизни без Готье. Ингрид старалась скрывать это от всех, даже от самой себя, а в особенности от Готье, но именно он, конечно, читал в ней, как в открытой книге. Он никогда ничего не делал с этим знанием. Пару раз только бросил грустно:

– Будь осторожней со своим сердцем, Иня.

– Что? Почему?

– Неужели ты веришь в любовь?

– Нет, конечно! – фыркнула она. – Что за глупости!

Любви в том семейно-созидательном контексте, который всегда подразумевается, когда говорится о любви, не было в его системе координат. В мире Готье были птицы, деревья, были звери и свежескошенная трава, но любви в том понимании, в каком это от природы несет в себе любая женщина, в нем не было. Он не мечтал никого завоевать. Он не боялся измен. Он не хотел продолжить свой род. Возможно, это просто не было своевременным, возможно, он просто был еще слишком молод.

Впрочем, не так уж он был и молод. Ему было около двадцати пяти, он был лишь чуть младше Ингрид, и она могла бы поклясться, что он никогда не изменится, навсегда останется Лелем, сидящим под березой с дудочкой и воспевающим рассвет. Между ним и такими муж-

чинами, как Рудольф, отец Ингрид, не было ничего общего. Но это никак не помогало Ингрид, когда его не было дома, перестать его ждать. То, что она чувствовала, было чисто физическим, на уровне биологических процессов, на уровне гормонов и неосознанных, неконтролируемых реакций. Чувство было совершенно нерациональным, бесполезным и даже опасным – но необоримым. Любовь зла...

Любовь. Нельзя сказать, что Ингрид была рада своей любви. Она много бы дала, чтобы вернуться к той беззаботной, эгоистичной жизни, которой жила прежде и которую она так любила. Быть номером «два» ей было невыносимо. Думать о том, что когда-нибудь Готье не вернется к ней, – еще хуже.

Идея создать музыкальную группу принадлежала Ингрид. Это, конечно, не означало, что до нее эту идею никто никогда не озвучивал перед Готье. Многие говорили, и многие убеждали, что Готье до этого нет никакого дела. И когда Ингрид сказала ему, лежа на постели, замотанная в мятую простыню, о том, что хочет заниматься продвижением его музыки, он только усмехнулся:

– Зачем? Это все пустое.

– А что не пустое? Ездить по всем этим диким шабашам? – возмутилась она. – Сидеть в этих палатках, есть тушенку?

– Ты не любишь тушенку? – Он рассмеялся, протянул к ней руки и попытался стащить простыню. Он не придавал разговору никакого значения.

– Разве ты не хочешь заработать денег?

– Мне ведь много не надо, – пожал он плечами. – Все, что нужно, у меня есть.

– Что у тебя есть? – Ингрид вырвалась из его рук.

Она хотела создать эту группу, хотела, чтобы их с Готье объединяло что-то еще, кроме этих бессонных ночей и утренних чаепитий. Она считала его талантливым. Но даже если бы она считала его бездарным... Ингрид прекрасно знала, как устроен этот мир и что люди остаются вместе только по каким-то серьезным причинам. Рука руку моет. Его руки были нужны ей, как воздух. Нужно дать ему то, что он оценит, – и он будет рядом с ней. Нужно дать ему что-то, что не могут дать другие. Нужно действовать так, как когда-то действовал ее бизнесмен.

– Ты не хочешь, чтобы люди услышали твою музыку?

– Они и так ее слышат. Я играю ее все время.

– Ну что ты такое!.. – Ингрид всплеснула руками и задумалась. – А разве ты не хочешь иметь возможность сделать что-то по-настоящему важное и большое в этой жизни, в этом мире? Ты можешь стать звездой и говорить о мире, о природе, ты можешь убеждать людей в том, во что веришь! – Ингрид была более чем красноречива. Ей было глубоко плевать и на мир во всем мире, и на природу, и на судьбу бенгальского тигра, но ей не было плевать на Готье. И он сказал «Да».

Глава 4

Группа «Сайонара» появилась год назад ценой невероятных усилий со стороны Ингрид. Появилась – это громко сказано. Был собран какой-никакой состав, была разработана какая-никакая программа. Песни у Готье были, но проблема заключалась в самом Готье. Ему, кажется, ничего этого было не нужно. Если бы не Ингрид, ничего бы не получилось. Все, что делал Готье, – это исчезал, потом приходил и говорил, что все не так и все не то. Он не хотел имитировать звуки народных инструментов на синтезаторе, он хотел настоящие народные инструменты. Он хотел записывать звуки природы, в то время как любое чириканье и стрекотание можно было прекрасно найти в музыкальных библиотеках. В общем, с ним были проблемы.

Проблемы были еще и с тем, что для Готье, если уж он брался за дело, никого не было достаточно, никто не был для него хорош. Сам Готье, как ни странно, профессиональным музыкантом не был, чего, конечно, никак нельзя было предположить, если послушать, что и как он играл. Лучше всего он играл на гитаре, но и на клавишах он был вполне ничего себе, так же как и на скрипке, виолончели и даже барабанах. Ингрид до сих пор не составила полный список инструментов, на которых он мог играть. Поэтому для нее было шоком узнать, что музыке он обучался в каком-то музыкальном кружке в детстве – и все, дальше сам.

– Как же так? – опешила она, не зная, что теперь писать в пресс-релизе, их самом первом пресс-релизе, о солисте группы «Феникс». Ингрид поначалу хотела назвать группу «Феникс».

– Ну, извини, если я тебя разочаровал, – усмехнулся Готье.

Тогда Ингрид осознала, что она плачевно мало знает о самом Готье. Где он вырос? Кто были его родители? Где они сейчас? В каких они отношениях с сыном, что думают о его музыке и его увлечении природой и этносом? Ингрид ничего этого не знала. Она знала только, что он имел паспорт на имя Павла Зарубина, она нашла его у него в сумке.

Да, она копалась в его сумке. Она бы с удовольствием покопалась у него в голове, если бы была такая возможность. Она была аккуратна, положила все на свое место, он бы никогда не узнал об этом. Не было никакого риска, он был в ванной, она слышала звуки льющейся воды. В мире, где она выросла, было не принято доверять людям. Нужно было знать о людях все наверняка.

Из паспорта она поняла только то, что странный незнакомец на фотографии, отдаленно напоминавший Готье, был на год с небольшим младше нее, Ингрид, не был женат, не имел детей и судимостей и был прописан на постоянное место жительства на улице Ивана Франко. Позже, в одном из редких личных разговоров, Готье косвенно упомянул, что рос без отца. Из разговора с Элизой вдруг выяснилось, что у него была сестра и что он ей читал сказки. Вот и вся информация, которой располагала Ингрид. Легче ей не стало, а вопросов стало только больше. По крайней мере, стало ясно, что он остается на ночь в квартире Ингрид действительно не потому, что ему некуда пойти, и что прописка ему не нужна.

Это она знала и сама. То, что Готье от нее ничего не ждет, можно было понять уже по тому, как он на нее смотрит. Скорее ей от него было что-то нужно. Он сам – вот то, что ей было нужно, целиком и полностью. Никогда в жизни до этого не любившая никого, Ингрид совершенно не понимала, что делать со всей этой бездной страхов и надежд, что делать с желанием приковаться к Готье наручниками.

«Чтобы удержать – нужно отпустить. На очень длинный поводок. Не звони сама, будь всегда чуть рассеянна и ленива, будь самодостаточна. Пусть ты будешь нужна ему больше, чем он тебе. Пусть он добивается тебя», – так говорила мама Ингрид, Анастасия Шеллер.

Ингрид же с ужасом понимала, что, если отпустить Готье, он улетит и не вернется. С ним эти игры не работали, а уж она пробовала, не сомневайтесь. И через какое-то время, где-то

через полгода после их знакомства, Ингрид вдруг поняла, что все неправильно. Он нужен ей больше. Он не будет ее добиваться. Зачем добиваться того, кто и так тянет к тебе руки с мольбой. Как его удержать?..

Ингрид действовала по схеме. Она хотела стать ему нужной. В принципе, это было умно. Она представлялась пиар-менеджером, продюсером, куратором, спонсором – любыми словами, которые бы подошли к той или иной публике. Она старалась привлечь аудиторию к группе «Феникс» и делала это любыми возможными способами. Первый состав группы менялся, и сегодня остался только клавишник Александр. Зато пришел Володя, который, к радости Ингрид, удовлетворил взыскательному вкусу Готье – он умел играть как на гитаре, что в ряде случаев было полезно, так и на некоторых народных инструментах, не очень хорошо, не гениально, но умел. Достаточно умел, скажем так.

Зато Володя имел почти неограниченный доступ к этим самым инструментам, будучи студентом отделения народных инструментов. Что-то он брал на кафедре, что-то занимал у своих многочисленных знакомых. Он даже смог достать как-то набор колоколов – от серебристо-заливистого до густого, басистого. В этом было Володино несомненное достоинство, он был ценным приобретением для коллектива. А главное – он был очарован Готье, он был готов на все, и совершенно бесплатно. За идею, а идея была в том, чтобы Ингрид могла удержать Готье.

Еще приезжал, но не на каждую репетицию, Костик Леший – бородатый парень, склонный к туризму и пьянству. Он играл на гитаре и стоял на басах. К нему не было больших вопросов, кроме одного – периодически он дурно влиял на Готье, заманивая его в леса. Тогда Ингрид нервничала и злилась. В лесах все может случиться, в лесах, знаете ли, своя жизнь, свои русалки. Сама она пробовала эти самые прелести лесной жизни, была немедленно укушена клещом и эвакуирована обратно, в родной урбан.

– Немедленно в Берлин! – кричала мама. – В России медицины нет! Ты можешь заболеть энцефалитом.

– Консилиум! Немедленно в Кремлевку, она может не долететь до Берлина! – сухо и четко командовал отец.

После всех сделанных уколов, прививок, после месяца паники и воплей со стороны зарубежной родни Ингрид поклялась никогда больше не переступать черты русского леса.

– Почему они никого больше не кусают? – поражалась Ингрид. – Почему только меня.

– Это они за Сталинград мстят, – пожал плечами Готье. – Чуют вражескую кровь! У нас теперь клещи вместо партизан.

– Ты дурак! – разозлилась она.

Но с тех пор Готье с полным правом уходил в леса. Поэтому басиста Лешего Ингрид не любила, но терпела. Играл он неплохо. Еще был гармонист Яша, но он приезжал лишь на записи. Гармонь в музыке Готье была востребована совсем чуть-чуть, и Яша через какое-то время сказал, что сидеть и пить плохой растворимый кофе он может и у себя дома. В общем, от него не было проблем.

В этом составе плюс сама Ингрид, бьющая в бубны, шуршащая разнообразной перкуссией, они и записали первые версии нескольких песен. Это было бы трудно назвать альбомом, но Ингрид знала, что для движения вперед нужна порой всего одна песня. Так что она ждать не стала, начала раскручивать то, что имела. Она даже выпустила постматериалы – футболки, чашки и календарики с птицей, вылетающей из огня...

Готье не говорил ничего, не сопротивлялся и не возражал. Казалось, все пойдет гладко и сладко, без сюрпризов, как и любила Ингрид.

«Лунная радуга» – любимая песня Ингрид – с трудом, но прошла по формату на одну радиостанцию. Не сказать, что для этого не пришлось воспользоваться старыми и очень личными связями, которые возникли еще в период, когда Ингрид думала о собственной музы-

кальной карьере. Во всяком случае, песню согласились разместить. Презентацию назначили, и календарики уже пришли из печати, когда на одной из первых встреч с нужными людьми Готье вдруг сказал:

– Группа «Сайонара» играет этнорок, если вы хотите упростить все до определений.

Лично я считаю, что мы создаем новый жанр.

– «Сайонара»? – переспросил ведущий, с недоумением глядя в пресс-релиз.

Ингрид покраснела.

– Группа «Феникс», – поправила она Готье.

Тот посмотрел на нее с непониманием и, покачав головой, повторил:

– «Сайонара». В переводе с японского – «Прощай».

Он был невозмутим. В тот раз, кажется впервые, Ингрид кричала и швырялась вещами. Выставить ее душой прямо в прямом эфире? Это что, какая-то специальная злая шутка? Он что, не мог поделиться идеями раньше, когда она, к примеру, отдавала в производство все эти майки? Черт!

– «Сайонара»? Какая, к черту, «Сайонара» и почему? Ты что, хочешь сказать «Прощай» всем нашим слушателям, всем твоим слушателям, черт побери! Готье, ты свихнулся?

– Кто сказал, что я хоть когда-то был нормальным? – усмехнулся он и как ни в чем не бывало сказал: – Иня, нам нужен кто-то на дудочки.

– Кто-то на дудочки? Мне нужен валидол! – фыркала она.

Готье был невозможен. Совершенно невозможен. Но с тех пор, как образовалась группа, у Ингрид появилась хотя бы призрачная гарантия того, что он останется в ее жизни и никуда не уйдет. Хотя бы тут она ощущала подобие стабильности, хотя бы так могла потушить тот огонь, который ее пожирал, когда Готье не было рядом.

Она не была счастлива. Она была зависима от него, несвободна, будто он вошел в ее тело и стал ему необходим для жизни. Он стал частью ее системы координат. Но счастлива? Впрочем, самой себе она бы это вряд ли сказала, вряд ли призналась бы себе в таком. Она злилась на Готье, обижалась на него, все больше курила, просто чтобы его позлить. Ингрид хотела его получить – целиком и полностью. Хотела этого тем сильнее, чем меньше шансов у нее на это было.

– Знаешь, я не думаю, что способен на все это «долго и счастливо», – сказал он ей как-то, лежа в постели.

– О чем ты? – лениво потянулась Ингрид. Это был один из самых счастливых моментов ее жизни. – Ты хочешь сказать, что звезда рок-н-ролла должна умереть молодой?

– Я о том, как ты разложила мое барахло в своей квартире – бритва в стаканчике, футболки в шкафчике. Как будто мы живем вместе. Думаешь, если мои вещи здесь, и я тоже всегда буду сюда возвращаться?

– А почему нет? – улыбнулась она, хотя в области солнечного сплетения что-то сжалось в комок, и стало трудно дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.